

Геннадий Исиков

12+

Наследники Дерсу

книга 1 ПАСЕКА

Геннадий Исиков
Наследники Дерсу.
Книга 1. Пасека

«Автор»

2016

Исиков Г. А.

Наследники Дерсу. Книга 1. Пасека / Г. А. Исиков — «Автор»,
2016

ISBN 978-5-532-06141-5

Главный герой осуществил мечту работать лесничим в уссурийской тайге. Живописные картины природы, встречи с таёжниками, пчеловодами, староверами, тигром, медведями, посадка саженцев кедра, находка легендарного женьшеня, тушение пожара. Одним словом, таёжная жизнь. "Пасека" - это ещё и размышление о том, а можно ли людям планеты построить такое же мудрое сообщество, какое строят на протяжении миллионов лет пчелы? Почему рабочая пчела живёт месяц, а пчелиная матка пять лет? Откроет ли свои секреты природа человеку? Всем умеющим ценить природу, эта книга станет лучшим подарком.

ISBN 978-5-532-06141-5

© Исиков Г. А., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Поэт, писатель, журналист и ...лесничий	5
«Я всего лишь наблюдатель страстный!»	6
Истоки	7
Край ты мой Приморский!	9
На излучине	10
Внештатник, собкор, писатель	11
Представление на литературную премию «Ясная Поляна» книги Геннадия Исикова «Пасека»	13
Рецензия. Русское Радио	14
От автора	15
Наследники Дерсу	17
Книга первая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Геннадий Исиков

Наследники Дерсу. Книга 1. Пасека

Поэт, писатель, журналист и ...лесничий

Исиков Геннадий Александрович родился 29 июня 1948 года на пасеке колхоза «Горный гигант» в урочище Медео вблизи Алма-Аты. Восемилетнее образование получил в санаторно-лесной школе. В 1963 году поступил в Лениногорский лесной техникум Восточно-Казахстанской области, который окончил через четыре года. Во время учебы в 1965 году опубликовал первое стихотворение в газете «Лениногорская правда». В 1967 году был направлен помощником лесничего в Нарынкольский, а затем в Прибалхашский и Пригородный лесхоз Алма-Атинской области. В 1970 году поступил на заочное отделение Казахского сельскохозяйственного института.

11 сентября 1972 года переехал с семьей в Приморский край. В Кавалеровском лесхозе работал инженером лесного хозяйства, инженером охраны и защиты леса, лесничим Хрустальненского лесничества. В 1976 г. окончил Приморский сельскохозяйственный институт.

Принимал активное участие в конкурсе Министерства лесного хозяйства РСФСР на лучшую публикацию об охране природы, по итогам 1978 года стал лауреатом третьей премии.

В 1979 году при участии Кавалеровского РК КПСС был переведен на должность организатора районной редакции радиовещания. В 1980 году поступил в Дальневосточный государственный университет на факультет журналистики. В 1982 принят в Союз журналистов СССР. Занимался в клубе «Литературная строка» при Союзе писателей в г. Владивостоке, где вел занятия Лев Николаевич Князев. В 1985 году в сборнике «Приморье» был опубликован рассказ «Пасека». В том же году был принят на должность собственного корреспондента Приморского радио и телевидения по Тернейскому, Дальнегорскому, Ольгинскому и Кавалеровскому районам. В 1986 году Г. А. Исиков и его семья переехали в Дальнегорск, где находился корпункт. В 1988 г. окончил факультет журналистики Дальневосточного государственного университета.

В 1990 г., став учредителем, выпустил первую в СССР уфологическую газету «Природа и аномальные явления», в 1991 году – газету «Высота 611». Работал директором типографии, в 1992–1993 годах – собственным корреспондентом ИТАР-ТАСС. В 1994 г. стал учредителем газеты «Приморье – реклама», в 1995 году – издателем городской газеты «Вечерний Дальнегорск».

Активно занимался политической деятельностью. В 2000–2003 годах работал помощником депутата Государственной думы III созыва В. В. Гришукова, в 2007–2011 – помощником депутата Законодательного собрания Приморского края В. Г. Беспалова.

В 2007 году конференцией Приморского отделения политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации» утвержден корреспондентом газеты «Правда» по Приморскому краю. Награжден памятными медалями ЦК КПРФ.

В октябре 2012 г. литературный портал «Проза. RU» номинировал повесть «Пасека» на премию «Писатель 2012 года».

В 2014 г. в сборнике «Рожденные в СССР», выпущенном Союзом писателей России, опубликована повесть «Альпийская роза Приморья». Автор работает над продолжением книги «Наследники Дерсу» – повестью «Здравствуй, Синяя!»

«Я всего лишь наблюдатель страстный!»

Что бы вы почувствовали, если бы вдруг в своём городе на улице нечаянно столкнулись с известным писателем, например, с таким, как Виктор Астафьев?..

Во Владивостоке живёт и творит лауреат российских и международных конкурсов и фестивалей, публицист, поэт, журналист, издатель Геннадий Александрович Исиков.

Истоки

Окончить филологический факультет по специальности «журналист» можно, там преподают те же предметы, что и в литературном институте, – русский язык, теорию литературы, литературное редактирование, практическую стилистику, литературную критику. А вот написать венок сонетов, живой словесный портрет в романе, вызывающий эмоции, столкнуть воображаемых героев в самых невероятных коллизиях? Тут без природного дарования не обойтись! А еще без основательной школы жизни. Только в окружении друзей-товарищей и неприятелей проявится потребность, и отшлифуется скрытый до поры до времени тот особый настрой души описывать все, что видишь, чувствуешь и переживаешь и о чем мечтаешь. И тогда не даст талант тебе покоя ни днем ни ночью. Кем бы ты ни был до первой своей опубликованной книги.

17-летний учащийся Лениногорского лесного техникума совсем не походил на будущего лесника. С густой шевелюрой вьющихся волос, мечтательным и твердым взглядом, красивый, интеллигентный юноша больше смахивал на юного Байрона. И тоже писал стихи, и публикации имел в городской газете «Лениногорская правда». Строку, вынесенную в заголовок, Геннадий написал в седьмом классе, начав ею свое первое стихотворение. Слова многое в жизни повидавшего седого мудреца! Но всерьез к своему увлечению поэзией не относился. Разве этим заработаешь на жизнь? Вот и пошел учиться на специальность лесоведа: быть ближе к природе! Да и как было бы иначе? Ведь он родился на пасеке колхоза «Горный Гигант» среди альпийских лугов Заилийского Алатау, в отрогах седого Тянь-Шаня, на окраине столицы Казахстана Алма-Аты. Позже на этом месте построят крупнейший в мире высокогорный спортивный комплекс «Медео», на высоте 1700 м над уровнем моря, и плотину, способную сдерживать шесть миллионов кубометров воды, чтобы сберечь город от селевых потоков.

С самого рождения его окружали живописные горы, и казалось, что весь мир купается в изумительном аромате цветущих альпийских трав и яблонь знаменитого на всю страну сорта апорт из колхозных садов, заложенных агрономом Веригиным, с семьей которого был знаком. Ароматные яблоки, каждое весом до восьмисот граммов, отправляли вагонами в столицу СССР Москву.

Все находило отклик во впечатлительной душе юноши. Блеснувшая в лучах солнца росинка, шепот звезд в осеннем небе... А как таинственна жизнь пчел! Эти чудесные насекомые потрясли воображение настолько, что он на всю жизнь сохранил к ним привязанность и позже, в зрелом возрасте, проводил философские параллели между миром пчел и миром людей. И свою первую книгу, над которой работал более тридцати лет, он так и назвал – «Пасека».

Видно, Космоса сын я земной!
Я... японец, пожалуй, немножко
И немножко индеец и йог.
Из Египта был кто-нибудь предком,
Дед, цыган, из Галиции мой.
А по маме бабуля – Шевченко.
И судьбы не желаю иной!

Не только природные явления вызывали интерес. Он любил выслушать людей, не перебивая, понять их образ мысли, поступки. Сверить со своим внутренним миром. Хотелось найти связь между происходящими событиями и явлениями. Знания впитывал легко, надолго. Стала интересна родословная: кто предки, откуда род пошел? Геннадий рос в дружной семье, с крепкими нравственными устоями. Бабушка-пчеловод не только научила азам пчеловодства, но и

поведала историю семьи, передала семейные реликвии. Записал рассказы деда по материнской линии с известной фамилией Шевченко, родословную начиная с 1825 года. Родовые иконы можно и сегодня увидеть в кабинете писателя на полке с самородными гранатами.

Каждый поворот судьбы добавлял все больше в будущие книги. Внутри зрел писатель, журналист.

Окончив лесной техникум в девятнадцать лет, работал помощником лесничего в горах Тянь-Шаня и Прибалхашской низменности. В 1970 году поступил в Казахский сельхозинститут. Встретил в Алма-Ате свою любовь Людмилу Леонову, дочь лесника из Красноярского края, такую же романтическую и возвышенную девушку, которой посвятил немало пылких стихов. На время, пока жили в столице, работал столяром-краснодеревщиком на алма-атинском деревообрабатывающем комбинате.

20 мая 1972 года родился сын Игорь.

Край ты мой Приморский!

С детства любимыми были книги об охотниках, о повадках зверей, о путешественниках и первопроходцах.

Книга Арсеньева «Дерсу Узала» открыла новый мир – таинственный, неведомый, суровый, где бродят тигры и растёт легендарный женьшень. В 14 лет, в Алма-Ате, написал стих про Золотой Рог, закрытый город Владивосток, Японское море, где никогда не бывал.

Через десять лет судьба привела в Приморский край.

Молодая семья с четырехмесячным сыном переехала из столицы яблок Алма-Аты на Дальний Восток – в Уссурийскую тайгу, в Кавалерово, на край земли.

Сихотэ-Алинь, тайга, Японское море поразили воображение.

Край ты мой Приморский,
Чудо из чудес...
Одурманит росный
И пьянящий лес,
Навеяв сказку,
Быль переплетет —
Стройки шум горластый
И гусей полет.
Над равниной моря,
Где шумит прибой,
Волны с ветром спорят,
Словно мы с тобой:
О делах, о людях,
Подвигах, судьбе...
Золотые будни!
Мой поклон тебе!

Август 1975.

На излучине

В Кавалеровском лесхозе приняли на должность инженера лесного хозяйства. Работал инженером охраны и защиты леса, лесничим. Учебу на заочном отделении Уссурийского сельхозинститута окончил в 1976 году, получил диплом инженера лесного хозяйства. В 1977 году родилась дочь Ирина.

Мысли юности о легендарных личностях удивительным образом материализовались:

– В это время на территории Хрустальненского лесничества снимался фильм «Дерсу Узала», и я имел возможность понаблюдать за артистами и киносъёмкой!

«На всё про всё жизнь одна, – говорил себе Геннадий, – а желаний и планов столько... Не позволяй душе лениться! – таков девиз. И идти вперёд – только дорогой Правды!».

Десять лет обучаясь специальности лесовода, будущий писатель так же рьяно штудировал «Поэтический словарь» Александра Павловича Квятковского. Писательскому мастерству учился у классиков по их книгам.

Очерки о растениях уссурийской тайги, зарисовки о первопоселенцах, старожилах, лесниках, стихи о природе публиковал в районной газете «Авангард», сочетая учебу и труд с литературными пробами.

Когда Министерство лесного хозяйства РСФСР объявило конкурс на лучшую публикацию об охране природы, молодой инженер не мог не участвовать:

– Занял я третье место и получил в лесхозе премию в половину оклада – шестьдесят рублей! Это придало уверенности в том, что можно подрабатывать литературным трудом в редакции. А спустя год Кавалеровский райком КПСС предложил должность радиоорганизатора районной редакции радиовещания.

Внештатник, собкор, писатель

Так все стало на свои места. Геннадий Исиков поступил в ДВГУ на заочное отделение факультета журналистики и начал работать над повестью «Пасека», впоследствии первой книгой романа «Наследники Дерсу». В 1979 году это был рассказ из трёх страниц, потом он вырос до 118.

– В 1985 году, когда учился на 3 курсе, в сборнике «Приморье» был опубликован рассказ «Пасека». Так я встал Словом на защиту природы.

В 1986 году Геннадия утвердили на должность собственного корреспондента Приморского радио и телевидения по северным районам Приморья – Ольгинскому, Кавалеровскому, Дальнегорскому, Тернейскому. Побывал во всех селах, на рудниках, обогатительных фабриках. Встречи с учеными, руководителями, горняками, оленеводами, животноводами, рыбаками обогатили жизненный опыт. Но полное погружение в любимую работу корреспондента радио не позволяло заниматься повестью или романом, как хотелось бы. До 22 репортажей в месяц из районов по краевому радио плюс ежедневно пять заметок для выпусков новостей отнимали все силы и время.

– Люблю природу, – говорит Геннадий Исиков, – и пытаюсь передать свои чувства через описание красоты Уссурийской тайги. Роман «Наследники Дерсу» задуман из пяти книг. История жизни моих героев охватывает весь XX век. В 2012 году, когда мне исполнилось 64 года, я решил, что надо, наконец-то, засесть основательно за написание книг, изложить в них свои впечатления. За два года переписал «Пасеку» ещё три раза. Из 118 страниц получилось 380. Отправил ее в Москву, в журнал «Российский колокол», в издательства Московской городской писательской организации «Союз писателей России». На фестивалях тебя представляет своей рецензией известный писатель, и, если заслужил у членов жюри хороший отзыв, занимаешь определенное место по результатам конкурса.

«Пасека» в итоге удостоена Московской литературной премии в номинации «Философия в художественной литературе». Отрывок из нее включен в «Хрестоматию для старшего школьного возраста "Мир глазами современных писателей"» в серии «Писатели XXI века». В качестве премии издательство Интернационального Союза писателей выпустило сборник произведений Геннадия Исикова «Альпийская роза Приморья» в серии «Современники и классики» тиражом 5000 экземпляров. 6 декабря 2018 года в Москве в Центральном доме литераторов прошла презентация книги.

Геннадий Исиков удостоен медали Интернационального Союза писателей «60 лет со дня основания организации». Медаль эта раритетная, выдана небольшому количеству авторов, пришла из Франции. Номинант Лондонской литературной премии, удостоен звания «Лучший писатель 2014–2019 гг.».

– Вот уже четыре года работаю над второй книгой романа «Наследники Дерсу», она называется «Здравствуй, Синяя!». О том, как мы с лесником в 1976 году шли шесть дней по тайге (это Журавлёвское лесничество Кокшаровского лесхоза), по склонам реки Синей.

Вот аннотация:

«Шесть дней по уссурийской тайге идут лесник и инженер лесхоза. Кедр и сосны, тигры и охотничьи избушки, тишина и ночные костры, чай из лимонника и разговоры-думы обо всей жизни... Вдали от дома и будничной рабочей суеты так хочется понять мир, в котором живёшь! Поможет ли Природа жить в гармонии с ней и своей совестью?»

Титанический труд на литературном поприще дал великолепные результаты. Свой юбилей, 70-летие, Геннадий Александрович Исиков отметил в звании российского писателя, известного на весь мир.

Отрывки из произведений публиковались в журналах «Российский колокол», «Russian Bell», «Писатели Русского мира: XXI век», «Писатели XXI века» и переведены на английский и болгарский языки. Дипломант фестивалей, кавалер литературных медалей «125 лет Марине Цветаевой», «С.Я.Надсон», «Антуан де Сент-Экзюпери». Общий тираж публикаций составил 150 000 экземпляров, что, согласитесь, не так уж мало по нынешним временам!

Геннадий Александрович награжден грамотами Международного музыкального литературного фестиваля «Ялос-2016» «За яркое творчество и талант» в номинациях «Проза», «Детская литература и фантастика», «Поэзия». Имеет дипломы почетного участника Московского городского фестиваля фантастики «Роскон-2016», конвента «Аю-Даг-2016», «За самобытный творческий подход» в конкурсе рассказов им А. Н. Толстого. Номинант «Литературной премии мира», премии имени Владимира Набокова. За победу на фестивале в Ялте, на грант имени Алексея Толстого, в серии «Таврида» издана книга «Души прекрасные мгновения» тиражом 5000 экз. Книги Геннадия Исикова издаются в российских издательствах, их можно увидеть в электронном виде на ЛитРес и его партнёрах, прослушать аудиокнигу, заказать на бумажном носителе. Берлинское издательство LAMBERT Academic publishing поместило роман «Наследники Дерсу. Книга первая. Пасека» у своих партнёров по всему миру – в ста странах.

Но не только описание природы и человеческих судеб свойственно и подвластно многогранному перу Геннадия Исикова. Он обладает и острым публицистическим взглядом. В 2012 году в интернете на портале «Проза. ru» была опубликована его брошюра «Хроника преступлений против России. К 15-летию расстрела здания Верховного Совета СССР. О современном положении дел в России, на Дальнем Востоке и в Приморском крае. Итоги реформ». Геннадий Александрович убежден: развал Советского Союза при решающем содействии США позволил им укрепить свои позиции на земном шаре временно.

Геннадий Исиков в своем произведении призывает человечество быть разумными, как цивилизация пчел, жить без войн, созидать, беречь природу и сырьевые ресурсы для следующих поколений на планете Земля.

*Антонина Лаврик.
Газета «Северное Приморье». 2019.*

Представление на литературную премию «Ясная Поляна» книги Геннадия Исикова «Пасека»

Издательство «Союз писателей» рекомендует в качестве соискателя на литературную премию «Ясная Поляна» книгу Геннадия Исикова «Пасека».

«Пасека» – это повесть, события которой отправляют читателя в странствие по Приморскому краю и переносят на десятилетия назад. Произведение писалось на основе личного опыта автора, которому довелось быть лесничим в этом чудесном уголке. Благодаря этому создаётся ощущение удивительной реалистичности, и ни одно событие, ни одно описанное на страницах обстоятельство не подвергается сомнению.

В рамках повести человек и природа не противопоставляются, а как бы дополняют друг друга, становятся единым целым. Описание красот окружающего мира и его опасностей вплетается в рассказ о реалиях социалистического общества. Автора интересует человек с его богатым внутренним миром и множеством возможностей, о которых он подчас не догадывается. На фоне духовного роста героев и их попыток отыскать ответы на философские вопросы, используя для построения своих концепций опыт животного мира, раскрываются остросоциальные проблемы, которые передаются на Руси из поколения в поколение и, вопреки расхожему мнению, перекочевали из СССР в новую Россию. Важное место занимают морально-этические дилеммы, что в конечном итоге отличает нас от животных.

Книга Геннадия Исикова патриотична, но без навязчивости, философична, но без вычурности и пафоса, психологична, но без наигранной драмы. На страницах ведётся динамичное повествование с приключенческой линией. Мысленный взор услаждают живописные пейзажи. Разум переполняют новые мысли и весьма неожиданные идеи, которые могут иметь вполне практическое, прикладное значение. Ну а герои со всеми их мыслями, сомнениями, страхами, поступками – это те же читатели, которые волей судьбы оказались в Приморском крае и вдохнули его густой воздух, насыщенный ароматами свежих трав.

Повесть «Пасека» пробуждает от спячки и открывает глаза на действительность. Она возрождает благоговение перед природой и закладывает семена понимания своей роли в социуме. Произведение Геннадия Исикова отвечает требованиям, которые ставят перед участниками премии организаторы, и заслуживает шанса попасть в руки строгому жюри.

Рецензия. Русское Радио

Книга «Наследники Дерсу» – одно из лучших произведений автора. Не зря отрывок из неё включён в Хрестоматию для школьников старшего возраста «Мир глазами современных писателей» в серии «Писатели XXI века» из серии «Современники и классики».

Роман, написанный в лучших традициях советской прозы, уводит читателя в 70-е годы прошлого века, во времена эпохи развитого социализма в нашей стране.

Сергей, окончив лесной техникум в Восточном Казахстане, после прочтения книги военного топографа Владимира Клавдиевича Арсеньева «Дерсу Узала» мечтает увидеть места, где в начале века побывала экспедиция автора романа и его друга коренного жителя Дерсу Узала. Сергей едет работать в уссурийскую тайгу.

Прошло более полувека, и тайга предстаёт перед героем не как нетронутая дикая природа, а активно изменяемая человеческой деятельностью. Вблизи богатых месторождений выросли промышленные посёлки, созданы совхозы, проложены дороги.

Автору удалось в полной мере передать то время, когда социалистические догмы и коммунистические идеалы не разрушены экономическими переменами и общественно-политическими проблемами.

Главные герои – настоящие представители поколения 70-х годов: открытые, искренние, счастливые, потому что знают, что светлое будущее настанет обязательно, если только они будут усердно трудиться на благо общества.

На всём протяжении романа, подробно описывая жизнь пчёл, писатель сравнивает их существование с человеческим обществом.

На пасеке в тайге Сергей видит, как обогащаются за счёт природы его соседи: убивают изюбрей ради пантов, тигра – чтобы продать лекарственное сырьё таким же браконьерам из Поднебесной.

Он пытается бороться с браконьерами, конфликтует с соседями, помогает тайге, высаживая с лесниками саженцы кедра, тушит пожары и, наконец, понимает: чтобы человек имел необходимые нравственные качества, нужен долгий эволюционный процесс.

Геннадий Исиков – мастер описания красоты природы и неповторимости тайги, жизни животных и растительного мира, и это делает роман особым миром, живущим по своим законам, сложным, но мудрым и справедливым.

«Наследники Дерсу» – это роман об истинных чувствах, важности семейных ценностей, уважении к старшему поколению. Любовь Сергея и Лены, дочери лесничего, отважной таёжницы, – искреннее, светлое, доброе чувство двух достойных молодых людей.

Роман будет интересен читателям всех возрастов.

Искренно, душевно, без восторженной агитации и всем известных лозунгов, без ностальгического сожаления автор написал правду об истории страны в период её социалистического процветания.

Да. Люди всегда будут стремиться к идеалам. И где искать их, как не в русской классике, в произведениях социалистического реализма?

Роман можно поставить в один ряд с произведениями Иванова, Астафьева, Айтматова, Германа, внёсших большой вклад в развитие социалистической прозы, героями произведений которых являлись люди высокой идейности и гражданской активности.

Рецензию представил слушателям

*Гриценко Александр Николаевич, писатель, драматург,
Председатель Международного правления Интернационального Союза писателей.*

От автора

Мне очень повезло. Моё счастье в том, что, работая лесничим, а позже журналистом, встречался с замечательными людьми – таёжниками, потомками первопроходцев, старове-рами, горняками, сельчанами, и это обязывает оставить о них память.

Но каждый герой повести – всё же собирательный образ, в котором можно заметить черты судеб многих людей, характерных для того времени.

Возможные совпадения фамилий случайны или сохранены из глубочайшего уважения. Это относится, например, к староверу Мурачёву Семену Степановичу, с которым я долгое время поддерживал приятельские отношения.

В повести «Пасека» я описываю время социализма. Мне хотелось запечатлеть и досто-инства народовластия, и то, что все успехи общественного строя кроются в человеке, его нрав-ственных достоинствах, а поражения – в отсутствии таковых. Воистину, сам человек – или Бог, или Дьявол.

В XXI веке мы стали свидетелями сильных наводнений, изменения климата. Это рас-плата человечества за хищническое уничтожение лесов по всей планете. И с каждым годом стихия будет напоминать о себе со всё более угрожающей силой.

Ещё во времена царя Петра I ввели должность лесника, а затем учредили корпус лес-ничих, в Академии вырастили учёных-лесоводов, лесоустроителей, которые были на государ-ственной службе и носили военную форму.

В годы Великой Отечественной войны выдавали в день по буханке хлеба тем, кто был занят на посадке леса. В войну сажали лес и думали о будущем!

Лесные хозяйства государственной лесной охраны занимали обычно территорию одного административного района. В штатном расписании каждого хозяйства – шестьдесят инже-нерно-технических работников и рабочих. Весной каждый из них две недели трудился в лесу и высаживал по тысяче саженцев в день ручным способом, а механизированным, с помощью лесопосадочной машины, – десятки тысяч.

В СССР на должности рядового лесника в 1990-е годы работало 74000 человек...

На все виды лесохозяйственных работ выделялись средства. 50 процентов средств, необ-ходимых для содержания лесной охраны, лесхоз зарабатывал сам: цех ширпотреба выпускал товары народного потребления, используя древесину от санитарных рубок.

Сокращение рядовых лесников по России привело к увеличению возгораний в лесах. Примером тому может служить пожар 2014 года в Якутии на громадной территории. В совет-ское время лесники в считанные минуты прибывали к месту пожара и тушили его с минималь-ными затратами для государства. Ущерб лесу был незначительным.

Передача функций тушения лесных пожаров МЧС, по моим наблюдениям, вряд ли оправдывает себя...

Преобразование и сокращение государственной лесной охраны было вызвано, по-види-мому, желанием растащить леса по собственным олигархическим уделам. Сегодня назрела ост-рая необходимость пересмотреть лесное, водное и земельное законодательство.

К примеру, в царские времена если барин, дворянин, собственник земли, выезжал на жительство в другое государство, то лишался в России права собственности на землю, о чём делалась запись в реестре земель губернии.

Если попирают общечеловеческие ценности, стремятся любыми доступными приёмами к стяжательству, мы получаем безнравственное общество.

Если усилия людей складываются в созидании, получают грандиозные победы в крат-чайшие сроки, такие как полёты в космос.

Я вижу смысл в исследовании человеческих душ и наблюдении за реальными людьми.

Всю жизнь я занимаюсь пчёлами. Это привело меня к размышлениям о том, как можно организовать идеальное общество. Ведь жизнь пчёл – это образец социума, где каждый заботится о подрастающем поколении и оставляет после себя плоды своей жизни – энергию Солнца, преобразованную в процессе фотосинтеза растений и самих пчёл в мёд, пыльцу, прополис, воск, маточное молочко.

Лишь благодаря этим насекомым планета Земля может оставаться зелёной, покрытой богатой растительностью.

Пчёлы подсказывают и формулу бессмертия: пчела летом живёт всего месяц, а матка – пять лет, в шестьдесят раз дольше!

Тайна кроется в количестве маточного молочка, заложенного в ячейку с личинкой. Так что же это за чудо такое, маточное молочко пчёл?..

Природа загадывает много загадок, и вопрос в том, захочет ли человек в них разобраться.

То, что каждое растение в той или иной степени обладает лекарственными свойствами, известно людям с древних времён. Но есть загадки сложнее, чем свойства растений и на их основе создание лекарств, например.

Сотня ульев с пчелиными семьями, за которыми присматривает пчеловод, – прообраз человеческого социума, где каждый улей – это государство, а пчеловод – это наш общечеловеческий разум. И я мечтаю, чтобы понимание этого было первым шагом на пути к гармонии с Её Величеством Природой.

Поэтому свою повесть я так и назвал – «Пасека».

Что же человечество выберет? По какому пути пойдёт?

Уничтожение себя и природы, вечные войны и захват сырьевых ресурсов у соседней более слабой нации? Войны по утверждению собственной религии или идейных убеждений?..

Или созидательный путь? Взаимное уважение. Понимание, что планета Земля – это хрупкая экосистема...

4 августа 2014 года

Наследники Дерсу

Книга первая Пасека

Автор благодарит друзей-тайжников, поделившихся впечатлениями о своих встречах с дикими зверями в приморской тайге

В книге все фамилии вымышленные, любые совпадения случайны

Заброшенный посёлок Лесной разместился на просторной поляне у реки Кенцухе, окружённой со всех сторон крутыми отрогами хребта Сихотэ-Алинь. На тёмно-синем небе мерцали звёзды, полная луна освещала опавшие на землю золотые листья берёз и рыжую хвою.

В окна кордона – дома, рубленного из лиственничных брёвен, – падал лунный свет. В сочных сумерках виднелась нехитрая утварь комнаты: кровать, где посапывали лесник и его жена, кухонный стол у печи и обеденный у окна в углу. Над ним поблескивали окладами из почерневшей меди образа староверческих икон.

Неожиданно тишину вспугнул донёсшийся с поляны храп испуганного коня.

Николай Тихонович, крепкий суховатый мужчина за шестьдесят, спросонья натруженной пятернёй потянулся за коробком спичек на стуле, чиркнул, поджёг фитиль керосиновой лампы, надел стеклянный колпак. Осторожно, стараясь не разбудить свою подругу жизни, в майке и трусах поднялся с тёплой постели, сунул ноги в поношенные туфли и подошёл с лампой к окну; отодвинув шторку, стал вглядываться в освещённую луной поляну и кромку тайги из редких деревьев. С вечера лесник оставил коня пастись за сараем с домашней скотиной.

– Что там? – спросила мягким, сонным голосом жена, заворочалась и стала подниматься, в предчувствии беды.

– Спи, Ульянушка. Не твоего ума дело. Даст бог, обойдётся. Карька забеспокоился.

– Были бы собаки, так и голос подали, – крепкая, в меру полноватая женщина надела поверх ночной сорочки сарафан, прибрала волосы и повязала ситцевый платочек.

– Если тигра, то и собака не в помощь. Забьётся под крыльцо и дрожит от страха, – хозяин надел брюки для работы по хозяйству, связанный женой свитер, фуфайку, застегнул на все пуговицы.

– Так, и ты не вздумай во двор идти! – больше попросила, чем приказала жена, зная, что Николай всё равно сделает по-своему.

– Так я, того, с ружжом, – миролюбиво успокоил Николай жену. – Только гляну.

Хозяин снял со стены двустволку ИЖ шестнадцатого калибра, переломил, посмотрел в ствол – заряжена или нет, достал из патронташа тёмные латунные гильзы с пулями, загнал в стволы, в карман положил ещё четыре патрона.

– Тигру выслеживать – всё одно, что идти смерть искать. Это днём-то. А ночью и подавно. Куда ж я пойду? Пальну только для острастки.

– И не думай даже. Не ровен час ранишь.

– Так коня ж погрызёт! – Николай Тихонович не спешил, поглядывая в окно и стараясь успокоить жену.

– И ладно, и пускай! – Ульяна встала рядом, глядя в оконце. – Казённый он. Ты же обо мне подумай! Если тигра тебя погрызёт, что ж я без тебя делать-то на белом свете буду? – слёзно запричитала женщина.

– Без коня как без рук: ни вспахать, ни дров привезти, ни шишек. И на пожар тож поспешать сподручнее, если что. – Мужчина всем своим видом внушал полное спокойствие. Уверенные, неспешные движения рук говорили, что он привык иметь дело с ружьём.

– Уезжать надо. Жизни тут никакой не стало. На двор-то и днём выйти страшно, как собаки не стало. Гадай, за каким углом тебя зверюга поджидает. Глушь кругом. Лесоучасток закрывают. Соседи-то все отсюда съезжают...

– Скажешь тоже, глушь!.. Дорогу вон рядом японцы проложили до самого моря. Рудник открылся, серебро нашли. Грузовики ходят, автобусы. За грибами, шишкой да ягодой народу столько каждый день по тайге шастает, что за всю жизнь мы с тобой столько не выдывали. Была глухомань, да не стало.

– Христом богом прошу, – голос хозяйки набрал и уверенности в своей правоте, и твёрдости. – Съезжать нам надо отсюда к детям. Соседи-то свои дома по брёвнышку раскатывают да в Кавалерово свозят. А тут, считай, весь день-деньской я одна. Ты в лесничество на работу или в тайгу, а мне и словом перекинуться не с кем. Сама с собою да со скотиной, да ещё помянёшь кого, кто на кладбище лежит за нашим забором. Жуть меня другой раз одолевает. Сил уже нет жить так. Страшно. Собак тигры поели, теперь, того и смотри, до коровы доберутся. А без коровы как? Пропадём! Пенсии нет, картошку да огородину в посёлке растить ещё и лучше, а здесь и зимой, и летом от кабанов покоя нет, а за ними тигра ходит. Вот нам и достаётся. Картошку-то нынче опять свиньи выпахали. Ты, вроде, и в засаде сидел. А они ж тебя за километр чуют. Почём зря ночами не спал!

– За что ж корить-то меня? Это зверь, ему на то и нюх дан. Не всякий раз охота удачной бывает... – Николай Тихонович слегка обиделся, но виду не подал, снял крючок с двери и вышел на крыльцо.

«Да, – согласился он с женой. – Был посёлок Лесной – магазинчик да горстка домиков лесорубов, а только название от него и останется. Удобное место, речка рядом, земля в пойме плодородная, для пчёл раздолье с весны до поздней осени. Всегда с мёдом, и на продажу остаётся», – он с тёплым чувством посмотрел в сторону рядов ульев большой пасеки, омшаника и сарая, где хранил инвентарь.

Николаю Тихоновичу не в тягость своими руками сделать хоть сани, хоть телегу, улей с рамками, стол или стул, бочата под грибы да помидоры, капусту да бруснику. Прирос он тут душой, хозяйство справное, на всём своём живёт, переехать на новое место – всё равно, что стореть, заново начинать придётся. В Кавалерово дом-то свой есть, переехать можно, да простора таёжного нет, тишины, спокойствия.

Испокон веков, – никто не знает точно, с какого времени, – рядом проходила старая тропа то ли китайцев, то ли удэгейцев, то ли тазов, то ли другого какого древнего народа. Русские расселились по северу края из небольшого уездного города Ольги на берегу залива святой княгини. Тропу накатали колёсами конных телег, и появились дороги, но до того узкие, что не разъехаться. А шли и пешими, и телегами со скарбом, и скотину гнали мимо бухты святого князя Владимира, хутора Туманово. Болотистой низиной вдоль речек вёл путь через Суворово на Богополье.

За перевалами да речными бродами от реки Тадуши развилка: на запад – в селение Кавалерово, на Сихотэ-Алинский перевал и дальше на реку Уссури и в Китай; на восток – в Богополье, Тадушу и к морю. Из Богополья ещё один путь ведёт через скалы и Монастырку в бухту Тетюхе. Третья дорога ведёт через сопку в посёлок Лесной, от него в Тройку и по хребту в ту же бухту, затем на запад в Мономахово и Тетюхинский рудник, а на север – в бухты Пластун, Терней и Амгу, где и селились старoverы.

От Суворовской развилки на Лесной в гору подъём на восемь километров, потом спуск – ещё восемь. Путь этот преодолеть и коням, и людям доставалось большими трудами. Вверх – надо помочь телегу подталкивать сзади, на спуске притормаживать тонким брёвнышком, чтоб

коню телега не переломала ноги. В Лесном путники на берегу реки останавливались – себе и коням отдых дать.

Николай посмотрел на восток. Крутая яйцеобразная сопка, а дорога по ней извивается так плавно, что хоть на подъём, хоть на спуск и конь телегу может тянуть, с трудом, конечно, если гружёную.

А с верхушки перевала такой вид, что залюбуешься: на восток всю Тадушинскую долину видать до моря. Здесь во время войны, на самой маковке, артиллерийская батарея стояла, японские самолёты поджидала. Окрестные сопки под военным лесничеством находились. Вот тогда дорогу под машины и расширили, скалистый грунт под ней, хорошая дорога получилась. А на запад сверху глянешь, то кенцухинскую долину видать, как на ладошке, и реку Ердагоу! По ней можно и в Китай уйти тропой. Сопки высокие, распадки рек и речушек – красота неписаная вокруг, дикая.

После войны пригнали в Лесной пленных японцев. Из Кавалерово через Кенцухинский перевал дорогу строить. Теперь от Кавалерово до Тетюхе всего-то километров шестьдесят. Устроили спуск над пропастью длиной три километра, а он сократил объездную старую дорогу на сто с гаком!

Николай Тихонович предавался размышлениям, оглядывая просторную поляну, заросшую медоносным разнотравьем, побитым ночными морозами.

Лесник прислушался: в небольшом сарайчике, куда он на ночь закрыл корову и телят, они вздыхали от волнения, переминаясь с ноги на ногу.

Держа наизготовку ружье со взведёнными курками, он осторожно прошёл за сарай, огляделся – коня не видно: «Тигр, значит, Карьку в тайгу погнал, больше некому, – утвердился в своей догадке лесник, продолжая размышлять: – А ведь и впрямь хорошее место Лесной! Название само за себя говорит. Рыба на нерест заходит, лови да соли на зиму, и кедрачи рядом – орехов тьма-тьмущая, и людям, и кабанам, и белке хватает! А брусники! А грибов! Видимо-невидимо всяких. И охота, понятно, кормит. В пойме реки – кабаны, по распадкам – изюбри, дикие козы стадами. Тигру приволье, человека не трогает, если только не раненый или старый, которому и козу не добыть. Или совсем молоденький несмышлёныш. Было дело, такой вот молодой в позапрошлом году как-то собачку с цепи не сразу сорвал, та в конуру забились, да конура спасёт разве? Со страху собачка и не взвизгнула. Пропала собачка, хорошая была лайка. Потом у других соседей тигрёнок потаскал собак. А в прошедшем году осенью, до снега, другой, старый тигр тоже заходил на подворье. Да если б просто прошёл своей дорогой мимо. Так нет! На крыльце дома лучшую собачку задавил, друга верного. Отнёс от дома метров на триста да и съел. Считай на глазах. А как тигра преследовать? Этого он не простит. Не родился человек, чтоб перехитрил взрослого тигра в тайге. Пойдешь за ним – погибнешь».

Вспомнил Николай Тихонович, как год назад встретился он с тигром. На другое утро после гибели собаки отправился он вдоль реки и по следам определил, что трудно хозяину тайги стало добывать зверя: «Часто ложится, видать, приболел или ранил кто».

Шёл лесник тогда по тропе и тут заметил: «Пень какой-то интересный. Откуда? Не было здесь таких пней. А у этого пня... глаза... такие... как у тигра. Его глаза ни с каким другим зверем не спутаешь, гипноз от них».

Собственной кожей лесник этот взгляд на себе прочувствовал, озноб взял. Постоял, размышляя: «Может, назад идти? Опасно. Покажешь ему спину – погонится. Раз собаку съел, голоден. Бог его знает, что у него на уме».

Думал Николай Тихонович, а сам незаметно для себя медленно всё ближе и ближе к тигру подходил. Вот уже сорок... тридцать метров, а тот как сидел, так и сидит. Наблюдает. И Николай Тихонович вроде как опомнился, в себя приходил стал: «Тигр-то на расстоянии верного выстрела, морду видно выжидательную».

И тут, как это бывает в минуту смертельной опасности, страх у Николая Тихоновича вовсе пропал, и возникло чувство мести за дружка своего: «Съел собачку? Так ведь и меня задавишь?! Ан нет! Ещё поглядим, кто кого!»

Не чувствовал в себе лесник желания убивать тигра, пройти хотел мимо. Но вот подошёл – и что ж делать? «Мимо? Можно и мимо, – думал, – но опасно. Да и назад нельзя».

И вот тут что-то сработало против его воли, гипноз зверя, наверно. Николая Тихоновича как к дереву привязали. Стоит и смотрит. Он на тигра. Тигр на него. Минут пятнадцать стоял. Большой тигр, крупный, шерсть тёмно-рыжими и светлыми полосками на солнце переливается. Кончик хвоста подёргивается. И задал мысленно лесник тигру вопрос: «Ну, что? Кто будет первым нападать? Ну!.. Давай!.. Ну!!! Что медлишь?! Давай!!! Кидайся!!! Я-то успею стрельнуть!!!» А тигр сидит и смотрит в глаза ему, Николаю Тихоновичу: «Вот, мол, не боюсь я тебя, человек». Рыжие волосы шкуры тигра горят на солнце. «А на морде никаких эмоций, – наблюдает лесник, – сидит не двигаясь, будто силы его покинули». И подумалось тогда: «Зверь смерти своей ждёт, помочь ему просит». Присел тогда Николай, прицелился в самое сердце. Выстрелил.

Старый оказался тигр, раненный кем-то. Двух метров длиной, все три с хвостом. «А может, просто смерти искал сам, раз так близко подпустил и не реагировал? Он же всё понимает, царь зверей. И погиб, вишь ты, с поднятой головой, гордый, бесстрашный, а не издох от бессилия».

Позвал тогда Николай Тихонович племянника своего Фёдора на помощь. Сняли дорогую шкуру, а ещё забрали ценные в китайской медицине кости. Фёдор-то на грузовой машине в дальние рейсы ездит, через знакомых тайно сбыв добычу, хорошие деньги получились.

После этого случая целый год тигров в Лесном не было...

На сопки, припорошённые инеем, лунная ночь накинула звёздное одеяло, словно пыталась сохранить дневное тепло осеннего дня.

Стоял лесник с ружьём у стайки, слушая вздохи коровы. Лёгкий ветер принёс от реки неясные звуки. Николай Тихонович опасливо оглянулся по сторонам. Луна бросала тени от строений, деревьев и кустов, а дальше стояла непроглядная темень.

«А чего ещё ждать-то от тайги? – переживал лесник. – Сам не загнал в стайку Карьку. Конечно, и корова, и конь, и телята всегда спокойно паслись на лугу у дома. А тут, на тебе, конь испуганно ночью заржал. Неспроста это. Тигра почуял, не иначе, тут бродит».

...Тигр из хвойных лесов шёл на восток к берегу моря в дубняки, где удался урожай жёлудей, туда же двигались на зимовку и семьи диких свиней. Перебирая лапами по зверовой тропе, натоптанной по водоразделу, он учуял запах дыма человеческого жилья.

Крупный тигр, повадками дикой кошки, пригибаясь к земле, на полусогнутых лапах прошёл по поляне, выследил коня, вспугнул. Конь заржал от испуга, моля человека о помощи. Зверь отрезал путь к дому и спасению. Сделав лёгкий прыжок в сторону добычи, он погнал испуганного Карьку вдоль берега по рыбацкой тропе в чащобу, где конь мог бы напороться на сухие сучья и сваленные бурей деревья.

Тигр остановил бег и дал коню успокоиться, затем обошёл его, прижимаясь к земле, и подкрался так близко, что одним броском сбил его с ног, вцепился когтями мощных лап в голову и, поймав пастью ноздри и нижнюю челюсть жертвы, задушил.

...Николай понял, что конь пропал. «Прохлопал ушами, – сетовал лесник. – Надо было с вечера в стайку загнать, да кто ж знал, что царь-то объявится. Утром гляну, что с конём, да в лесхоз съезжу доложить», – и побрёл в дом успокоить Ульяну.

* * *

На койках в казарме, едва освещённой светом уличного фонаря, спят солдаты.

«Я дембель. Я дембель. Утром домой!» – крутится в голове Сергея, командира отделения десантников. Сон не идёт. Он смотрит на табурет, там аккуратно сложенной лежит новенькая форма, заранее выменянная у первогодка для торжественного случая щегольнуть дома перед невестой. А в нагрудном кармане письмо от мамы, она пишет, что не дождалась его Марина: две недели назад замуж вышла за лучшего друга, который вернулся весной из армии, а в начале августа они и свадьбу сыграли. Написала ему об этом со скрытой ноткой радости, что вот, мол, не ошиблась она, говаривая: «Вряд ли кому Марина верной женой будет». Чуюло материнское сердце будущую горечь сыновью.

Сергей неожиданно для себя повзрослел. Боль и досада наполняли его уже несколько дней, опустошая от былой привязанности и чувств к Марине. «Уеду подальше от дома, как мечтал в техникуме, работать в Уссурийскую тайгу», – твёрдо решил Сергей и, отвернувшись, чтобы не видеть гимнастёрку, закрыл глаза, но сон опять не шёл, и появлялись то одна, то другая картина.

Вот в нескольких километрах от усадьбы лесхоза он весной собирает с отцом сосновые шишки со спиленного дерева. Жуткий гул моторов нарастает. Низко над макушками сосен, медленно, прямо над отцом и Сергеем, взлетает, отрываясь от земли, бомбардировщик.

Сергей даже вжал голову от страха, разглядывая, как буквально на высоте двух деревьев над ними гудит гигантских размеров серебристый самолёт, шестимоторный, по три на каждом крыле, видно кабину в переплёте множества стёкол, шесть лётчиков с квадратными чёрными очками на лбу.

Тяжёлый сверхдальний бомбардировщик уплывает к горизонту, круг за кругом ввинчиваясь в небо, набирая высоту, вот он становится едва различимым. Затем слышится вверху прямо над ними хлопок, появляется второе солнце, затем вырастает гигантских размеров чёрный гриб. Сергей стоит с отцом, они рассматривают это невиданное зарево.

Вот он с Мариной играет в песке в конце улицы под кронами раскидистых сосен, они находят в коре подсохшую смолу и жуют её.

Вот он с лучшим другом детства Пашкой и Мариной едут на велосипедах к берегу Иртыша. Мутная рябь с рекой движется к седому Ледовитому океану. Они купаются в холодной воде, долго смотрят, как буксир с надписью на борту «Виктор Кононов» молотит воду винтом, тянет баржу с пшеницей по течению. Обсыхая на горячем песке, они втроём мечтают отправиться в путешествие на плоту из сосновых брёвен – поставить палатку, парус, иметь в запасе вёсла, дрова, рыбацкие снасти и обустроить безопасную площадку для костра, чтобы готовить на плоту уху...

Вот не стало отца, и забота о хозяйстве и братьях легла на его плечи, ещё подростка. Вот он заметно окреп и возмужал.

Вот мама, провожая на учёбу в техникум, даёт ему сто рублей на дорогу и на первое время, обещает присылать ещё по десять рублей в месяц и просит надеяться только на себя, хорошо учиться, чтоб получать стипендию: «Мне ещё двоих кроме тебя надо поднимать».

Вот он, окончив техникум, приехал в лесхоз по распределению и работает помощником лесничего. Лето выдалось тогда сухое. Выезжая на очаг, водитель пожарной машины включает сирену и не останавливается. Лесники выбегают на дорогу посёлка, окружённого вековыми соснами, на ходу запрыгивают в кабину, и с окраины машина набирает полную скорость до места очага. Если опоздать, то лесная подстилка из ржавой высохшей хвои разгорается, пламя, сжигая смолу на стволах, поднимается в крону, и дерево вспыхивает факелом, взметая пламя к небу. В сильный ветер занимается верховой пожар, и перепрыгивает красный петух с одной вершины сосны на другую, и тут уже требовались знания техники тушения, много пожарных машин, усилий и сноровки лесников, чтобы остановить пламя.

Вот свидание в лесу, когда цветут сосны и золотой дождь осыпает молодые деревья, рыжую хвою, Маринку. Разговоры о свадьбе...

Картинки прошлого стали наплывать одна на другую. Сергей задремал.

Утром Сергей, в новенькой форме военно-воздушных сил, попрощался с друзьями, товарищами и командирами в ставшей родной воинской части, купил купейный билет от Саратова до Владивостока. До отправления поезда на Свердловск оставалось много времени, и он поехал в краеведческий музей посмотреть ещё раз на самолет, на котором учился летать Юрий Гагарин, и лучше узнать историю области.

На одной из карт рисованными стрелками было показано, как шло переселение немцев через Москву на земли современной Саратовской области. Во времена правления императрицы Екатерины Великой они ехали конными обозами на санях по льду зимней Волги, осваивали степные земли на берегу реки.

Во время Великой Отечественной войны из опасения, что немцы перейдут на сторону Германии, их расселили из Куйбышева и немецкого национального округа по Казахстану и за Урал. И надо отдать должное предвидению Сталина: ни одна фашистская бомба не упала на город Куйбышев, сохранив его архитектуру с дореволюционных лет...

Как-то во время короткой побывки дома во время службы главный лесничий попросил Сергея передать поклон Саратовской земле и Волге. В Казахстане на берегу Иртыша между Семипалатинском и Павлодаром многие немцы обрели третью родину...

Они оказались умельцами в приготовлении из свинины продуктов в запас: сало солёное и топлёное, подкопчённые шпик, окорока, грудинка, рульки, колбасы всяких видов – всё переработают и сохранят, всё у них опрятно и пунктуально. Отец, после войны выпивая на День Победы с соседом фронтовиком, немцем, закусывал такими деликатесами, а потом и сам с мамой научились многому.

Вечером на вокзале отыскал свой состав и вагон, устроился на верхней полке в купе, уступив место пожилой женщине. Отвлекая себя от грустных мыслей, разглядывал пейзаж за окном с полки, выходил в коридор или в тамбур побалагурить с проводницей, заказывал раз за разом чай. «Время да лес всё залечат», – думал он.

В Свердловске пересел на скорый поезд Москва – Владивосток и хотел было сгоряча напрямиком уехать, не проведая маму и братьев, да, поостыв за несколько дней в пути, передумал.

В Барнауле, сделав отметку об остановке в билете, дождался поезда на Алма-Ату, сошёл в Семипалатинске, откуда до дома оставалось всего шестьдесят километров. На площади у вокзала нашлись попутчики, наняли такси – новенькую «Волгу». Выехали на трассу Семипалатинск – Павлодар.

И вот они, родные места: сосновые боры по пологим песчаным барханам, приползшим неведомо в какие времена и откуда, степь с высохшей травой и белыми головками ковыля, склонённого ветром к земле. По степи разбросаны островки лиственного леса – напоминание о том, что во влажные времена когда-то тут процветало зелёное берендеево царство. Кто называет эти островки «согры», кто – «колки». От высохших озёр остались заболоченные места, на кочках и торфе которых по центру густо растут берёзы и ольха. По периметру почву распахивают, делят меж собой на участки и растят картофель.

У каждого работника лесхоза своё крепкое хозяйство, есть пшеница в закромах, сало, тушёнка, солёные и переваренные на мёд арбузы, вяленая рыба. С пшеницей для скота становилось всё легче – сказалось освоение целинных земель. Осенью покупали самосвалами по пять, а кто и десять тонн, так что свиней откармливали до таких размеров, что к ним в хлев страшно было входить, растили для себя, а каких увозили и на мясокомбинат.

За разговорами незаметно промелькнуло время, в сёлах один за другим выходили попутчики. Проехали степь, дорога вывела в посёлок из трех десятков домов, окружённый со всех сторон соснами. Дома сложены в ласточкин хвост из пахнущих смолой сосновых брёвен. Вдоль накатанной по песку дороги приусадебные участки обнесены крашеным штакетником.

Большинство жителей – это немцы, они держатся дружно меж собой. У них своя культура и уклад жизни: на участках посадили сады с сибирскими зимостойкими яблонями, занимались прививками от привозимых с Волги сортов. Чтобы получать отменный урожай, ввели правило свозить навоз из каждого подворья в одно место за окраиной у соснового бора, где он четыре года перегорал; главный лесничий вёл учёт и следил за порядком, а весной распоряжался, кому и сколько взять.

Сергей расплатился с таксистом, вышел у конторы лесхоза в трёхэтажном особняке. В начале века в нём жила семья лесничего дворянского сословия. В гражданскую войну хозяева намеревались с колчаковской армией доехать до Владивостока, отбыть за границу да затерялись в огненном вихре на сибирских просторах. Никто не слышал об их дальнейшей судьбе.

Особняк аккуратно и со вкусом срублен из брёвен восьмигранником, окна в резных наличниках, железная крыша охристого цвета. Дорожка обрамлена красным кирпичом на ребро и засыпана мелким речным галечником, рядом рошица из клёна американского, с опавшими красными резными листьями, в тени беседка. У лестницы веранды, обвитой хмелем и примыкающей к входной двери, клумбы.

Сергей, взяв дорожный чемоданчик, легко поднялся на крыльцо, взглядом отыскал свой дом, вспомнил соседей. Вдохнув полной грудью чистый воздух, напоенный смолистым запахом сосен, улыбнулся.

Прадеды Сергея Фёдоровича Агильдины, обрусевшие татары, поселились в этих местах едва ли не с монгольского движения на Русь, держали коней, коров и овец. И дед до революции, и отец перед войной служили лесниками. Вернувшись с фронта, отец взял в жёны русскую девушку из соседнего села. Первым появился Сергей, затем братья. Отец не дожил до своего полувекового юбилея. На пожаре, не разглядев в дыму минерализованную полосу, споткнулся и, упав, сильно ударился головой о дерево, отчего осколок бомбы шевельнулся в голове.

Сколько раз, в тоске по маме и братьям, соснам, степи и реке, щемило сердце, вспоминались далёкое детство, школьные годы, дружба с одноклассниками. Сергей, притушив обиду на лучшего друга Пашку и Марину, улыбаясь, расставил руки вширь, словно попытался обнять поселение лесников, где всё было такое знакомое и родное: сосны, тянущиеся ветвями к небу, степь с колками и Иртышом. «Не счесть, сколько я сам посадил маленьких сосёнок, пока жил в этих местах», – наполнялся восторгом Сергей, сознавая, что трудами лесников этого маленького села из поколения в поколение расширяются вдоль берега Иртыша сосновые боры.

Перед уходом в армию он работал помощником лесничего и решил свой приезд начать с визита вежливости специалистам лесхоза.

Открыв дверь особняка, он вошёл в широкий светлый коридор, освещённый двумя небольшими окнами у входа и дугообразным двойным в глубине, прочитал на доске последние приказы, постучался в дверь кабинета главного лесничего и, не дожидаясь ответа, вошёл.

В просторной светлой комнате большая библиотека вдоль стены, старинный письменный стол, стулья, светлые шторы на окнах.

– Разрешите войти?

– Да! – главный лесничий вышел из-за стола навстречу.

– Прибыл на родину после службы в Армии.

– Сергей Фёдорович! Возмужал-то как! Тебе идёт военная форма!

Аккуратно одетый мужчина атлетического телосложения, в возрасте за пятьдесят, в *форме** государственной лесной охраны с одной большой звёздочкой в петлице и с широкими золотыми шевронами на рукавах, прищурил в улыбке краешки голубых глаз и радушно пригласил:

– Присаживайся! Как доехал?

– Спасибо. Самолётом было бы быстрее, но хочется Россию повидать, решил поездом, из окна вагона смотреть интереснее. Когда ещё будет такой случай? Как выйдешь на работу, так и пошла круговерть: пожары, посадки, содействие, хозяйство – засосёт!

– Соскучился, значит, по родине? – улыбнулся хозяин кабинета.

– По соснам, по родным! А как же иначе?..

– А как там Волга? Саратов? На месте? Привет передал, как я просил?

– Поклонился, передал. А куда они денутся, Волга и Саратов? Волга как текла на юг, так и течёт. Природа везде и всюду по-своему красивая, посмотрел – в любом месте останавливайся, живи, работай.

– Что-то ты на первое место природу поставил. А по семье не соскучился разве?

– Да и по семье соскучился тоже, но как-то постепенно поотвык. Когда уехал учиться в техникум, сколько мне было? Пятнадцать! И вот уже шесть лет прошло. Хочется свой дом, свою семью иметь.

– Подружка твоя замуж вышла, извини, что вмешиваюсь.

– Что ж делать... Переживём и это, жить дальше будем, встречу ещё свою половину.

– Дочь моя институт заканчивает, думает вернуться домой, у нас работать, а по положению она не может быть подчинённой мне по службе: понимаешь, одна фамилия, а если сменить её раньше, то всё может сложиться, понимаешь, о чём я говорю? И должность помощника лесничего я для тебя придерживаю, пенсионерку техника-лесовода, по договорённости с ней, временно назначил, до твоего приезда, а там, в недалёкой перспективе, и должность лесничего освобождается, так что – всё будет хорошо.

– Клара – хорошая девочка.

– Девушка уже. И хорошая хозяйка.

– Я её по школе только и помню. Разошлись наши пути-дороги. Я в Лениногорск, в техникум, она в Алма-Ату на лесфак. Здесь вы опять правы. Жизнь у людей по-разному складывается – у кого по любви, у кого по расчёту, и ничего, счастливы по-своему и те и другие. А в лесу, когда у обоих одинаковая профессия, наверное, сложилось бы всё удачно, вы правы. Но я уже купил билет до Владивостока, ещё в техникуме мечтал поехать работать в уссурийскую тайгу, прочитал книжку «Дерсу Узала» и заболел, забредил теми местами. Тигры, изюбри, женьшень.

– Как же без направления? Ты же должен у нас отработать три года после распределения, а у тебя и полгода не наберется.

– Диплом на руках, а на первое время можно будет устроиться и рабочим в лесхоз. Техникум дал ещё и профессию тракториста, подготовил, так сказать, к превратностям трудовой жизни. Безработных у нас в стране нет. Не пропаду. Стоит лишь продержаться до первой зарплаты, а на первое время и на дорогу хватит.

– Вольному воля, – обиделся, задетый за живое, главный лесничий.

– Зайду проведаю товарищей. До свиданья.

– Прощай, – главный лесничий, нахмурился, подал руку.

Лестница на второй этаж привела к кабинетам лесничего, инженера лесного хозяйства и охраны леса, лесных культур, механика. Большинство специалистов были в лесу. Сергея поприветствовал лесничий.

– С прибытием на родину! Как служилось?

– Хорошо.

– Ну, пойдём, хоть в бильярд партийку-другую сыграем.

– Я ещё и дома не был, но с вами сыграю.

Они поднялись на третий этаж, где в дореволюционные времена находилась гостиная с сохранившимся бильярдным столом и потемневшими шарами из слоновой кости.

С десятиметровой высоты открылась панорама на холмы и колки в степи, Иртыш, поблескивающий на солнце, сосновый бор, дикий, первозданный и посаженный; из окон в любую сторону видать, как на ладони, если загорится лес, сизый дым, взвившийся струйкой к небу.

– Марина-то... Знаешь?

– Проехали. Что уж старое ворошить. Уезжаю я в Приморский край, зашёл проведать – когда ещё увидимся? В отпуске разве что.

– А мы ждали тебя, должность сберегли.

– Спасибо, конечно, но раз так судьба сложилась... Начну всё с чистого листа. Не люблю оборачиваться назад. Надо идти вперёд! И побеждать, преодолевая трудности!

– Ты, пожалуй, прав. А любовь свою ты ещё встретишь.

– Какие наши годы! – обрадованно воскликнул Сергей, выиграв партию в бильярд.

Попрощавшись, он пошёл домой, приветливо здороваясь на улице со встречными. Калитка на участок к дому директора лесхоза оказалась приоткрытой: красавица-жена казашка, услышав новость по телефону от главного лесничего, поджидала Сергея, чтобы пригласить в гости.

– Ас солом молейкум! – поприветствовал Сергей приятную во всех отношениях женщину.

– Здравствуй, Серёжа, заходи, директор тебя видеть хочет.

Олжас Сулейменович сидел в беседке за круглым столом, рядом стоял китайский фарфоровый чайник, чашки на блюдах, на тарелке свежие баурсаки – обжаренные в масле квадратики теста.

Сергей пошёл по тротуару вдоль увядших цветников к столу.

– Ас солом олейкум, Олжас Сулейменович!

– Присаживайся, угощайся, – жена вежливо налила в пиалу на одну треть ароматного индийского чая, предложила сливки, комковой сахар.

Сергей знал обычай: надо отломить хлеба и попробовать угощение, иначе по обычаю казахов это воспринимается как неуважение или объявление войны одного рода другому.

Директор долго и подробно расспрашивал о службе в армии, впечатлениях, планах и не одобрил решение Сергея уехать в Приморский край.

– Нам нужны свои специалисты, местные люди. Ты учиться дальше думаешь?

Сам он закончил историко-правовой факультет, имел родственные связи в области и был назначен директором по партийной линии, в контору ходил по понедельникам, проводил техническое совещание, и кабинет его остальное время пустовал.

Практически вся ответственность лежала на главном лесничем.

– Думаю пойти учиться на заочное отделение лесфака.

– Мы направление дадим. В партию примем, лесничим назначим.

– Хочется мир посмотреть, Олжас Сулейменович, Советский Союз большой, в любой области или республике без работы не останусь, а институты везде есть.

– Праздношатание нигде не приветствуется. Без карьеры будущего у тебя нет. Отработав на одном предприятии двадцать пять лет, продвинешься по служебной лестнице, директором станешь, льготы ветерана получишь, старость встретишь обеспеченным человеком.

– Я в гости буду приезжать, проведывать. Каждому человеку приходит время исполнять мечту. Что ж это за жизнь, если ты не любишь и не мечтаешь? У меня такое чувство, словно я птица, меня только что столкнули со скалы, и мне надо набраться храбрости и побороть страх, оцепенение, расправить крылья и полететь. Я так и сделаю. Это моё решение.

– В дорогу, джигит!.. Не буду отговаривать. Красиво сказал. Правильно! – директор и кареглазая жена с чёрными, уложенными в круг косичками проводили гостя до калитки, тепло попрощались.

Братья и мама, соскучившись, встретили Сергея с радостью, накрыли стол, позвали соседей.

– Оставайся, – просила мама, – должность свободная есть объездчика, техника по-настоящему.

– Мам, ну не мужская это должность. Это раньше объездчик был бог над лесниками, чтоб не воровали, а сейчас план – столько мероприятий, что рук не хватает, а наряды писать – женская работа, и зарплата маленькая.

– И лес объездчик отпускает тоже. Да ты посмотри, как в соседнем лесничестве живёт техник. И дом свой поставил, и в доме полны закрома, а на должности-то недолго. Хваткий мужик, все видят, а пойдти проверь – не могут или не хотят.

– Мам, ну не стану я ворованным лесом торговать.

– Так я что ж тебя, заставляю? Лесу на дом тебе по закону положено, и земли двадцать пять соток, и покосы. Женишься, хозяйство разведёшь, а оно всегда прокормит.

Сергей задумчиво смотрел на арбуз, ощущая вкус красной мякоти сахаристого астраханского сорта: двадцать четыре килограмма выращены на грядке у дома, а теперь он, блестящий и чисто отмытый, высится на блюде и пахнет свежей зеленью.

– Нет, мам, не останусь, не проси.

– Из-за Маринки?

– Из-за неё тоже. Село-то маленькое, все на виду, а тут лучший друг предал, увёл подругу, обещавшую ждать, – Сергей потянулся наконец к арбузу, отрезал половину ломтя и стал кончиком ножа выковыривать на тарелку крупные тёмные семечки.

– И что? На твоей Марине свет клином сошёлся? Клара со школы на тебя заглядывалась. Не замечал разве? На практику ныне приезжала, тобой интересовалась. Миленькая такая, скоро институт закончит. А семья какая хозяйственная? Всем на зависть! Отец авторитетный.

Сергей откусил сахаристого сочного арбуза, сок брызнул по губам.

– Так что ж я – телок? Кто верёвку на шею накинёт – к тому во двор и пошёл? Ты уж прости меня, матушка. Повзрослел я, хочется свет повидать, в уссурийскую тайгу поеду работать. В Приморский край надумал я уехать.

Мать обиженно поджала губы, у морщинок серых глаз навернулись скупые слёзки.

– Участок бы под усадьбу взял, дом сложил из кругляка, просторный, со светлыми окнами, и чтоб звенело всё в нём: и сосна, как песня, и детские голоса, и твой с Klarой. А запах-то какой смолистый в только что срубленном доме! И я бы с детишками нянчилась... Счастье-то какое внуков растить! Жду не дождусь того часа, тебя поджидаячи. Пока учился, только на каникулах и видела тебя. Из армии ждала. А теперь вон какое лихонько для меня! На совсем, значит, уезжаешь?..

– В отпуск буду приезжать зимой. Летом, сама знаешь, пожары. А насчёт Klarы... Хорошая она, знаю! Ты, матушка, права... Кучкой с братьями и тобой рядом – оно легче жить, друг дружке помогая. С тобой братья остаются. Петька лесной техникум тот же закончил, отслужит – вернётся: вот ему и должность лесничего, и Клара достанутся, вот и пусть будут счастливы. Петьке Klarка нравилась, я-то знаю. А младшенький наш Жорка школу закончит, пусть сразу в сельхозинститут поступает, я помогать стану.

– Клара тобой интересовалась.

– Опять ты за своё, мама. Я же сказал, я поеду своё счастье искать в дальневосточной тайге. Лесхозы везде есть. Была бы шея, а ярмо найдётся. Найдётся и мне должность, а к должности и квартира положена, так что не пропаду, не переживай, да и полюбить ещё успею.

Отгостив недельку, Сергей уехал в Семипалатинск. Проводы были недолгими, в маминых слезах.

В Барнауле Сергей пересел на скорый поезд до Владивостока.

Поплыли мимо новосибирская и красноярская тайга, синее озеро Байкал, где на одной из остановок он купил знаменитого омуля с душком. Забайкальские степи, опять тайга и горные перевалы, приамурские безбрежные заливные луга, долины без конца и края, и вот наконец-то – Хабаровск, столица Дальнего Востока, где жил когда-то его любимый писатель Владимир Клавдиевич Арсеньев.

Проводник приоткрыл дверь купе, привычно и сухо предупредил:

– Хабаровск.

– Осталось немного ехать, – глянув на часы, уточнил прилично одетый мужчина в фетровой шляпе, командированный в столицу.

– А до Владивостока?

– Останется ровно сутки.

Сергей, подперев голову и облокотясь на столик, разглядывал в окно проплывающий пейзаж. Сколько раз с детства он мечтал отправиться в путешествие, и вот мечта его сбылась.

Поезд, убегая к горизонту на восток, врежется в пространство одной шестой суши голубой планеты, неустанно отбивая на стыках рельсов глухую, но манящую вдаль музыку странствия, редкими гудками предупреждая о своём появлении на опасных переездах; мерно, в четыре такта, такает на стыках колёсами.

За грязным окном безоблачное небо. Мелькают тополя и берёзы, обронившие листву, дачные домики, участки тёмной земли после убранного урожая. Грунтовые дороги, жилые дома крестьянской постройки едва ли не первых поселенцев на Амуре. Почерневшие телеграфные столбы с провисшими проводами и километровые – с указанием расстояния от Москвы до Владивостока, вдали опоры ЛЭП.

И вот он, широченный батюшка Амур! Гулко застучали колёса на железном мосту. На станции Хабаровска в тупиках стояли гружёные товарные вагоны с лесом, углём, грузовыми автомобилями.

Мужчина в фетровой шляпе попрощался, взял чемодан и пошёл по коридору на выход.

Сергей тоже заспешил на вокзал купить на дорогу лимонада, беляшей и горячего картофеля.

И вот он, долгожданный Уссурийский край! Тайга виднелась вдали, всё чаще появлялись сёла на заливных лугах.

«Где-то тут из-за новенькой винтовки какой-то бандит убил Дерсу Узала», – вспоминал Сергей роман о лесном человеке.

Чем дальше на юг, тем шире луга и поля.

«Штурмовые ночи Спасска, волочаевские дни», – стучат колёса, изредка попадая в такт, напоминая о партизанской войне против Колчака.

Уссурийск. Через два часа показался Амурский залив. Сергей впитывал новые названия мелькающих пригородных станций – красивые, южные, морские: Садгород, Океанская, Чайка... Владивосток.

Вокзалы железной дороги и морской. Конечный пункт на суше, а дальше – простор синих океанов, отсюда начинается путь к любым берегам, путь в чужие страны.

«Сколько людей покинуло Россию через этот порт в Гражданскую войну, рассеялось по белому свету?! И мой земляк семипалатинский, царский лесничий, возможно, здесь был, отплыл с семьёй, а может быть, и затерялся в этом городе», – размышлял Сергей, бродя из интереса по вокзалам и расспрашивая дежурных о гостиницах.

Чтобы иметь представление о легендарном военном городе, форпосте на Тихом океане, поселился в «Доме колхозника» и три дня провёл в экскурсиях.

Город очаровал чистотой и порядком. Военные патрули, подтянутые морские офицеры, купеческие дома немецкой архитектуры дореволюционных лет, ряды боевых кораблей и рыболовецких сейнеров вдоль берега, китобойная флотилия, огромный бывший боевой корабль

немцев «Адольф Гитлер», переименованный в «Советский Союз» и ставший флагманом китобоев.

Сергей посетил краеведческий музей, картинную галерею, посмотрел спектакль в театре Горького. У памятника Борцам за власть Советов, вошедшим в город 25 октября 1922 года, на площади у бухты Золотой Рог мысленно спел свою любимую с детства песню: «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперёд, чтобы с боя взять Приморье – белой армии оплот».

На старинном здании железнодорожного вокзала, справа от массивных дверей на стене Сергей увидел почерневшую от времени бронзовую табличку: «Здесь на площади в 1905 году была расстреляна мирная демонстрация рабочих».

Конечной целью поездки Сергея был затерянный в Сихотэ-Алинских горах районный центр Кавалерово. На автостанции купил билет на рейсовый автобус, дождался посадки, удобно устроился в ожидании новых впечатлений.

За Уссурийском автобус с Хабаровской трассы повернул на северо-восток в сторону Арсеньева. Скошенные поля с копнами соломы пшеницы, ячменя, стогами сена сменились порослевыми низкорослыми дубками, затем смешанными – лиственными и хвойными лесами. После первых заморозков золотая приморская осень сентябрьского бабьего лета играла оттенками бордовых красок. Бездонно-синее небо залило горизонт и горы. Сквозь окно автобуса он всматривался за обочиной дороги в растительность уссурийских дебрей, пытаясь различить ближайшие деревья и кустарники, вспомнить их латинские названия. Знакомыми были берёзы, осины, тополя, клёны и черёмухи, но больше было не виданных им ранее растений. Могучие кедры чем-то напоминали сибирские, но были заметно крупнее, ели поражали своей величиной.

«Дендрологию придётся учить заново, ведь в лесном техникуме изучал европейские да сибирские виды деревьев и трав. Владимир Клавдиевич Арсеньев в романе «Дерсу Узала» описывал маньчжурскую флору, – отметил он про себя, – но читать одно, а видеть самому – другое. Ладно, одолею, поступлю в институт». Вспомнил, что всегда на тумбочке у его кровати в общежитии лежала книжка «Дерсу Узала» – про уссурийскую непролазную тайгу, сказочно богатый животный мир, тигров и женьшень... Всё это будоражило воображение Сергея и манило. На реке Тадуши в 1905 году Дерсу во второй раз встретился со своим другом «капитана»*. Взяв в библиотеке карту, Сергей узнал, что сейчас там находится районный центр Кавалерово.

Вот так и сложилось – прочитал в юности книгу о Сихотэ-Алинской тайге, невеста сбегала к другу, вот он и поехал в Кавалерово воплощать свою мечту. «Не было бы счастья – да несчастье помогло», – посмеивался он над собой.

Поздно вечером автобус поднялся на Сихотэ-Алинский перевал и спустился вдоль верховья реки Тадуши в узкую долину, покрытую кедровым лесом. Через полчаса подъехали к посёлку. Издали он напоминал маленький городок, освещённый фонарями вдоль асфальтированных дорог. Разглядывая строение аэропорта у дороги, двухэтажные здания каких-то промышленных предприятий, частные дома, Сергей сделал для себя вывод, что Кавалерово – вполне приличный посёлок для такой глуши. Примерно километра через два свернули в центр. На автовокзале ему подсказали, что гостиница находится через дорогу.

Утром, сдав номер и расспросив, как дойти до лесхоза, пошёл устраиваться на работу. Ближний путь пролёг по улице Арсеньева, у двухэтажного здания правления геологической экспедиции он повернул на окраину, а у детского садика поднялся по крутой бетонной лестнице с перилами для пешеходов на сопку и оказался на улице Геологической. Посёлок геологов хорошо был виден с пологого склона сопки. Просторные деревянные двухквартирные дома с приусадебными участками и садами, грунтовые улицы со столбами электросети и светильниками, магазин говорили о том, что разведкой богатств в недрах Сихотэ-Алинских гор здесь занимаются всерьёз и давно. Сергей шёл, разглядывая усадьбы с плодовыми дере-

вями, кустарниками и цветниками у домов, и, размышляя, не заметил, как оказался в конце длинной улицы.

– Как в лесхоз пройти? – поинтересовался у пожилой женщины с накинутой шалью на плечах, с миловидными чертами и голубыми глазами, в которых всё ещё искрился азарт молодости, она доставала журналы и газеты из почтового ящика на калитке крайнего дома у кромки тайги.

– А вон туда войдите, – она, улыбнувшись, показала на деревянный забор с выломанными досками вместо калитки.

«Можно было бы и дверь из этих же самых досок сколотить и на шарниры повесить, раз тут ходить людям ближе», – подумал Сергей, просовывая в лаз голову и перешагивая через прожилыны. Через редкий берёзовый лесочек он вышел к гаражу и пошёл по грунтовой дороге к одноэтажному длинному деревянному зданию из кедрового бруса, потемневшего на солнце.

Под молодой липой с жёлтой листвой на деревянном тротуаре разговаривали двое мужчин, а поблизости в беседке на скамейках сидели три лесника и о чём-то балагурили. «Похоже, что им всем уже за пятьдесят, а то и под все шестьдесят», – отметил Сергей, решив с ними познакомиться и разведать обстановку.

– Здравствуйтесь, лесхоз тут будет?

Мужчины, смолкнув, кивнули и приняли выжидательно-серьёзный вид.

– С трудом нашёл вас, на самой окраине поселились.

– А у военных иное мнение. С этой сопки хорошо видна вся долина и главная дорога. Хорошее место для обороны. Здесь японцев во время войны ждали, штаб батальона вон в том маленьком доме был, – лесник, в чертах и поведении которого угадывался бывший военный, со строгим выражением глаз и загадочной улыбкой, в форменной поношенной фуражке лесника показал рукой в сторону дома, – после войны штаб отдали под контору лесхоза.

– А вы случаем не скажете: есть в лесхозе свободная должность? – поинтересовался Сергей.

– Это вон – к нему, – махнул лесник в сторону двух мужчин под деревом.

– Спасибо, – кивнул он лесникам.

Сергей остановился в сторонке от двух мужчин и, в ожидании окончания разговора, стал рассматривать территорию лесхоза. «Да, – размышлял он, – судьбу свою я изменил резковато. Всё здесь не так, как на родине. Родных и знакомых нет, и начинать придётся с чистого листа. Но ничего, выдержу. Лесники тут фронтовой закалки люди, в беде не бросят. Да и какие могут быть трудности в мирное время?»

В створе открытых ворот усадьбы лесхоза Сергей заметил, что по асфальтированной дороге Варфоломеевка – Рудная Пристань, довольно узкой, встретились пассажирский ярко-красный автобус междугороднего сообщения и диковинно огромных размеров лесовоз золотисто-жёлтого цвета, гружённый стволами деревьев, примерно двадцатипятиметровой длины.

Вчера Сергей из окна автобуса видел выползающие из тайги огромные лесовозы, тогда он удивился, а сосед пояснил – японские.

Лесовоз мягко шумел от напряжения двигателем, свистя выхлопной трубой, поднятой над высокой кабиной. Сергей подумал, какой же мощи достигла Япония, чтобы иметь возможность продавать Союзу настоль совершенную технику: «Да... Индустрия там, похоже, на высоте. Нашим лесовозам такая машина не чета, раза в три больше на себя хлыстов берёт. С помощью японцев мы такими темпами тайгу быстрехонько вырежем».

Сергей обратил внимание на аллею из молодых и стройных елей, насаженных от ворот до конторы, на некрашенный штакетник усадьбы, грязный от пыли и местами ломанный. Со стен конторы свисали клочки пакли – воробьям на гнёзда. Удивился, что при таком богатстве растительного мира в палисаднике беспорядочно растут низкорослые какие-то деревца, и нет ни одной клумбы с цветами. Единственным украшением оставалась молодая липа у крыльца

конторы, она играла в ярких лучах по-летнему тёплого солнца ржаво-жёлтой листвой. Под ней стояли и всё никак не заканчивали беседу двое мужчин: один постарше, пенсионного возраста, в форменной куртке лесника и фуражке с зелёным околышем; другой – уверенный в себе, высокий, крепкий, лет сорока, в добротном штатском костюме, светлой рубашке, подобранной под голубые глаза, с галстуком, аккуратно подстриженными тёмно-каштановыми волосами, начищенными до блеска чёрными туфлями.

«Командный состав, – отметил про себя, – но кто? Лесничий, главный лесничий или сам директор? Подожду», – решил Сергей. Он не спеша прошёл мимо них по дощатому тротуару к двери конторы, поздоровался, но на него не обратили внимания.

Сергей остановился у сваренного из труб и укрепленного в бетон щита. На одной половине – про взятые коллективом «Социалистические обязательства на 1972 год», на второй – «Доска почёта». От времени подписанные чёрной краской фамилии передовиков выгорели, а фотографии пожелтели. Сергей подошёл поближе. На одной из них узнал пожилого лесника. «Николай Тихонович Басаргин, лесник Высокогорского лесничества», – прочёл подпись и посмотрел в его сторону, тот о чём-то рассказывал вкрадчивым, еле слышимым голосом.

Сергей прислушался к разговору, но не разобрал, о чём беседа. «Запомним, в лесхозе всех надо знать в лицо. А он приметен. Взгляд от собеседника отводит частенько, глаза бегают, волосы с густой проседью слиплись от пота и выглядывают из-под форменной фуражки. Утро, а он уже успел потрудиться изрядно. Борода подстрижена. Руки сильные, это видно по плечам и рукавам куртки, одетой поверх свитера домашней вязки».

Сергей отвёл взгляд от собеседников и стал рассматривать на стене веранды с грязными стёклами оконных рам тёмно-зелёную старую вывеску: «Приморское управление лесного хозяйства, Кавалеровский лесхоз».

«Сбылась моя мечта, больше недели сюда добирался», – отметил про себя и посмотрел напротив. Там стояло маленькое деревянное здание с навесом для пожарной машины. На двери хорошо читаемые вывески «Лесничество» и «ПХС». «Понятно, там склад инвентаря, химикатов для тушения пожаров и борьбы с вредителями леса, а также пожарно-химическая станция».

У заболоченной поймы ключа выглядывали крыши двух жилых домов из свежего бруса, слева от домика лесничества – длинный склад из круглых потемневших брёвен с дверью, закрытой наискось узкой металлической пластиной и амбарным замком внушительных размеров. За складом ещё один небольшой домик, у него кучи из берёзовых чурок и жерди. «Цех, так сказать, товаров народного потребления», – догадался Сергей. Рядом с цехом – кирпичное здание мастерской для ремонта автомобилей и тракторов, под открытым небом ржавел полуразобранный гусеничный трактор с навесной рамой бульдозера. За мастерской гараж на четыре бокса.

Сергей всё больше осознавал, в какую глухомань он приехал. Увиденная картина усадьбы лесхоза потрясла его своей убогостью.

Сергей вспомнил, как у себя на родине ездил как-то весной с лесниками на грузовой машине в соседний лесхоз за саженцами сосны для посадки. Там и центральная усадьба выглядела не так, как в Кавалерово, и вместо стандартных деревянных двухквартирных домов – теремки с резьбой, раскрашенные разноцветными красками. Своя больница, своя школа, усадьбе лесхоза – совхоз позавидует. Директор лесхоза, пунктуальный и педантичный немец, молодой ещё человек, предложил выращивать арбузы и иметь доход от семян, создал новые рабочие места. Заложил лесной питомник на шестьдесят гектаров и продавал лесхозам области саженцы сосны. Поставил пилораму, открыл цех переработки древесины, выпускал мебель, парты, столы, стулья. Получилось прибыльное хозяйство. Директору вручили орден Ленина. Немцы, сосланные во время войны на берег Иртыша, неплохо там прижились.

«Да, – подумал Сергей, – буду привыкать к местным условиям, а там посмотрим, что можно изменить в лесхозе».

Прохаживаясь по тротуару в ожидании окончания разговора руководителя с лесником Басаргиным, Сергей невольно прислушался.

– Доложить хочу Вам, Лев Николаевич, – лесник вытер испарину со лба серым платком и снова надел форменную фуражку с эмблемой из двух позолоченных скрещённых дубовых листьев с желудями и серпом и молотом повыше. – Сегодня ночью коня тигра задрала. Заднюю ляжку съела. Я часть от нетронутой отрубил да вот в лесхоз привёз, вон там лежит еще кусок шкуры погрызенный, – он показал рукой в сторону пожарно-химической станции. – За остальным тигра ночью придёт. А там и до коровы до моей доберётся, до телят... Съезжать надумал я с кордона. Что мне там без коня делать? Обход-то не маленький, по горам да рекам пешим да вброд несподручно, и до лесничества километров восемь не натопчешься. Мучение. Да и жена в рёв пустилась, боязно из дома нос высунуть, когда тигра во дворе собак моих съела. Как тут жить? Поневоле взвоешь.

– Сильно-то не переживай. Вывезем твоё хозяйство. Поможем. А кордон давно хочу сюда перевезти под мастерскую, будем бочки делать. Да всё как-то откладывал, тебя жалел. На гибель коня акт составим, спишем. А вот как с тобой быть? В Высокогорск жить поедешь? Квартиру дадим, у поселкового совета найдётся.

– Дак у меня ж свой дом в Кавалерово, а вот с пчёлами кочевать теперь придётся с племянником своим Фёдором, а он с Ломакиным вдвоём в компанию сговорился. Возьмут и меня. Присматривать стану. В тайге с пчёлами как-то интересней жить. Ухожу я с должности. Пенсию мне какую-никакую дали, проживу, где пчёлками, где корнёвкой, где охотой добавлю.

– Смотри сам. Можешь и к нам встать пасекой. У нас компания небольшая – я да Казанцев, нам бы надёжный человек, как ты, любитель пожить в тайге, не помешал, а мы бы по выходным наезжали.

– Я уж с Федькой, племянником, мы с ним завсегда вместе. И с пчёлами, и на охоту.

– Поступай, как знаешь. Пиши заявление, – по интонации, ставшей холодноватой и властной, Сергей понял, что это директор. Тот продолжил:

– За машину в кассу оплатишь, – голубые глаза, блеснув, выдали недовольство, он насупился, что ему отказали.

– Разрешите обратиться? – подошёл Сергей, по военной привычке вытягиваясь, как перед старшим офицером.

– Что у тебя?

– На работу устроиться.

– Пойдём, – он зашагал по дощатому тротуару к застеклённой веранде. Внутри на стене висел белый лист ватмана. Сергей успел прочесть крупные буквы «График дежурств на осенний пожароопасный период». Столбиком шли фамилии работников и наискосок красные клеточки по датам на сентябрь и октябрь.

Вошли в освещённый одним окном коридор. По бокам двери с табличками: «Инженер-механик» на одной и тремя напротив: «Инженер лесного хозяйства», «Инженер охраны и защиты леса», «Инженер лесных культур». Дальше по коридору на двери – «Секретарь».

За небольшим рабочим столом у окна сидела молодая девушка, миловидная, со строгим выражением лица. Сергей, улыбаясь, поздоровался, но ответного знака внимания не получил. Директор кивнул головой.

– Добрый день, – ответила девушка с крашеными волосами до плеч, встала с мягкого стула, приветствуя руководителя. Сергей обратил внимание на красивый, миндалевидный разрез светло-голубых её глаз, подкрашенные ресницы и нежную кожу слегка вытянутого лица. Солнечные лучи, падающие в окно, подчеркивали её стройную фигурку в вязаном костюме. Она взяла папку с подготовленными документами на подпись. На её длинных белых тонких

пальчиках правой руки поблескивали два золотых кольца, на указательном с изумрудом и на безымянном с александритом, как показалось Сергею.

На двери висела табличка: «Директор Князев Лев Николаевич». Хозяин кабинета своим ключом открыл дверь, проходя мимо окна, поправил штору и сел за двухтумбовый стол тёмной полировки, под портретом вождя мировой революции на стене.

Как позже узнал Сергей, на должность Князева направили Приморским управлением лесного хозяйства в 1955 году, сразу после окончания в Москве факультета лесного хозяйства Тимирязевской сельскохозяйственной академии, когда ему было всего двадцать пять лет. В свою трудовую книжку он сам и сделал единственную запись: «Назначить директором Кавалеровского лесхоза». Крепкий от природы парень, пройдя службу в армии, прижился на кавалеровской земле и успешно руководил штатом из шестидесяти инженерно-технических работников, лесников и рабочих.

В кабинет вошёл человек лет тридцати в форме государственной лесной охраны, со звездочками старшего офицера в петлицах и золотыми шевронами на рукавах, поздоровался с директором, затем подал руку Сергею:

– Болотов Виктор Кимович.

Придвинув стул, главный лесничий без приглашения сел поближе к директору за длинный стол. На время отпусков он замещал директора на должности, обсуждал с ним все производственные вопросы и чувствовал себя на равных. По понедельникам в начале рабочего дня на техническом совете лесничий докладывал о выполнении плановых заданий. И сейчас, услышав, что директор появился в своём кабинете, зашёл без доклада.

На полированном столе играли лучи солнца.

Сергей достал из кармана синий диплом, паспорт, военный билет, трудовую книжку.

– Присаживайся, – директор махнул рукой на стул.

– Агильдин Сергей Фёдорович, – представился Сергей, – окончил лесной техникум, отслужил в десантных войсках, воинское звание сержант, намерен учиться на лесфаке заочно. Я узнавал: в Приморском крае есть сельскохозяйственный институт в Уссурийске.

– Похвально. А стаж работы на должности есть у тебя? Или ты по направлению приехал?

– В Семипалатинской области работал помощником лесничего, а после службы в армии решил на Дальний Восток уехать, посмотреть места, где Дерсу Узала жил. Книгу читал, но это одно, а автобусом сюда ехал – другой мир, не Сибирь и не Алтай.

Директор поднял трубку телефона, набрал номер, послышался гудок.

– Владимир Михайлович, зайди ко мне, – и продолжил, обращаясь к Сергею: – За романтикой потянуло? Вообще-то три года обязан был отработать по направлению. Но не отправлять же тебя назад, раз уже приехал. Должность помощника лесничего свободна. На следующий год осенью лесничий на пенсию уходит, и у тебя есть перспектива занять его место, если в институт поступишь. Кстати, нам деньги дали на строительство двухквартирного дома: одна – под контору, другая – для лесничего. Вот и построишь себе дом, а поканими квартиру.

Директор внимательно смотрел в глаза Сергею, а тот не отводил взгляда, настраиваясь на собеседника. Было видно, что они оба явно симпатизируют друг к другу.

– Оклад сто тридцать рублей, премиальные раз в квартал, районный коэффициент двадцать процентов, и за каждый год ещё десять добавляется, через пять лет будет семьдесят процентов к окладу. Основной отпуск за год двадцать четыре дня и двенадцать за ненормированный рабочий день. Раз в три года дополнительный двадцать четыре, весной и осенью мы все на пожарах. Это то, что касается работы, а летом ходим с тобой в тайгу за женьшенем, – Князев интригуяще улыбнулся, давая понять, что хозяин в тайге – он, и он может исполнить мечту Сергея увидеть легендарное растение. – А вот тигра я сам никогда не видал и не обещаю, что покажу. Может быть, тебе посчастливится встретиться с ним.

В дверь постучали. Вошла секретарь.

– К вам Емельянов.

Директор кивнул.

Крепкий мужчина в штатском поношенном костюме обошёл всех поздороваться.

– Знакомься, – директор кивком показал Сергею на присевшего на стул нового человека. – Владимир Михайлович, твой лесничий.

– Агильдин.

– А по бабушке?

– Сергей Фёдорович, из Казахстана, окончил лесной техникум.

– Помощником к тебе направляю, – сообщил директор, – пообвыкнет, притрётся к людям, а там и на твоё место, и тогда ты к нему в помощники, поладите. И тебе полегче будет, вон какой орёл к нам пожаловал, крепкий, молодой, здоровяк-десантник! – директор обратился к Сергею: – Позови Аню.

В кабинет вошла секретарь.

– Оформи Сергея Фёдоровича на работу помощником лесничего Хрустальненского лесничества.

Сергей, скрывая чувство радости, вышел в приёмную.

– Так вас Аней звать? – поинтересовался Сергей.

– Анна Владимировна, – она посмотрела в его тёмно-серые глаза, доставшиеся ему от предков татар, отметив, что парень симпатичен.

Пока он с серьёзным видом писал заявление, она украдкой оценивающе осмотрела солдата со свежей стрижкой, белым наглаженным воротничком, начищенными сапогами, делая вид, что занята оформлением личного дела.

– А как у вас дела обстоят с партийной принадлежностью? – спросила Анна, слегка наклонив свою ухоженную голову с модной чёлкой и завитушкой у виска.

– В техникуме в партию у нас редко кого принимали. Там сказали, что выпускают молодыми командирами производства. В армии дослужился до сержантского звания, секретарём комсомольской организации во взводе избирали.

– Тогда надо встать на учёт, – в её голосе прозвучали нотки, словно они давно знакомы. Девушка достала из стола папку с надписью «ВЛКСМ» и подала чистый бланк анкеты:

– Не забывайте платить членские взносы, сдавать будете мне, я секретарь первичной организации. У нас в ячейке Кутелев, инженер, Первушкин, лесник, стихи пишет, и в бухгалтерии Ломакина, будете пятым.

Сергей протянул Анне заявление и анкету, с любопытством про себя отмечая, что она не такая уж и строгая, как пытается показаться.

Анна забрала трудовую книжку и открыла книгу приказов по лесхозу.

– Все документы имеются, до свидания, – неожиданно для Сергея прохладно, с напускным гонором, сказала Анна Владимировна, как бы снова подчеркивая важность своего положения в иерархии государственной лесной охраны. Настроение это Сергею не испортило, но он запомнил особенность её характера.

Сергей прошёлся по коридору конторы и для интереса прочитал вывески. Там оставались ещё две двери – «Бухгалтерия» и «Красный уголок». Сергей вышел на крыльцо. Под липой все ещё стоял Басаргин.

– Ну, что? Взяли на работу?

– Помощником лесничего, – улыбнулся Сергей и подошёл к Николаю Тихоновичу, протягивая руку.

– А мой обход без лесника остался, – негромким приятным голосом с грустью сообщил новый знакомый. Сергей почувствовал крепкую руку и поймал бегающий взгляд, которым тот осмотрел солдатскую форму.

– Не подскажите, у кого можно времянку снять?

– К Ломакину сходи, неподалёку живет. Выйдешь вон туда, – он показал рукой на соседние улицы, – а там любой подскажет. У него летняя кухня во дворе, из бруса, добротная, тёплая, в самый раз тебе одному-то.

Из конторы лесхоза вышел лесничий, обратился к Сергею.

– Заходи, братик, – лесничий пригласил жестом в деревянное строение с табличкой у двери «Лесничество».

– Мне бы подписать заявление на увольнение, – Басаргин заторопился следом.

– Ты, братик Тихоныч, как-то не по адресу. Это к своему лесничему в Высокогорск. А пока возьми в бухгалтерии обходной лист, сдашь завхозу всё имущество, что на тебе числится. Горю твоему поможем, вывезем хозяйство, директор приказал. Иди в гараж к механику и подожди чуток, я лесников с дежурства сниму, и поедете, – на ходу ответил лесничий.

По просьбе секретаря райкома партии Князев взял бывшего председателя колхоза на должность лесничего, хотя у него не было образования. До выхода на пенсию ему оставался год, он отработал почти всю жизнь в колхозе, но в стаж это не вошло, и оставалось одно – поступить на государственную службу. Панибратское отношение, когда к каждому члену колхоза он обращался «братик», у Владимира Михайловича, добродушного в любых обстоятельствах, вошло в привычку и стало его прозвищем. Теперь и к нему так же обращались, и он не обижался.

Контора лесничества находилась в просторной комнате с окнами на восток и юг: было светло, тепло, уютно. Вдоль стен – столы лесничего, помощника, техника, книжный шкаф с *таксационными** описаниями и картами. На стекле сидела муха. Сергею показалось, что тут остановилось время. Или оно имело иное измерение, когда труд одного поколения лесников – всего лишь десятая часть жизни кедр.

– Так ты, значит, приезжий. Но это ничего, тут все такие. Со всей страны съехались. Много и тех, кто остался после войны с японцами. Но... вопрос у нас наипервейший – это прививка от клещевого энцефалита. Без этого в тайгу не могли ходить. Ну, садись. Технику безопасности обязан тебе объяснить, часовой курс прочитать и в журнале подписать по этому поводу от тебя иметь.

– Так я техникум закончил, проходил всё, – напомнил Сергей.

– Там ты студентом был. А тут ты в должности.

Владимир Михайлович сел за свой стол, достал журнал, подумал, улыбаясь, и снисходительно произнёс:

– Ладно, распишись тут и тут, где галочки. Сегодня можешь получить на складе обмундирование, теперь ты командир по лесному ведомству, подберёшь форму по своему размеру. По-моему, на тебя найдётся, недавно привозили. И рабочую одежду надо иметь на пожары ездить. Срок носки разный, у каждой вещи свой. Фуфайка, сапоги – два года. Рукавицы – три месяца. Даю тебе день на обустройство. Завтра утром справку из поликлиники принесёшь, что прививка сделана.

Лесничий задумался, помялся и нерешительно продолжил:

– Тут вот ещё такое дело имеется. Неволить не могу, тебе не положено в бригаде с рабочими работать, но в порядке исключения попрошу. План у нас горит. Ты бы не помог? Работу оплатим, на лесника Девадзе твой объём работ закроем, он тебе деньги отдаст. Топор тебе лёгонький найдём. Обед возьми с собой. Не возражаешь?

Сергей подумал: «Надо же с чего-то начинать? Молодой, здоровый, разомнусь. Поеду, посмотрю на тайгу вблизи».

– Поеду.

– Там лесные посадки кедр зарастают кустарником, берёзой, осиной. Их надо вырубать вокруг каждой кедровки, свету им добавить, чтоб лучше росли, а кустарники да мелкие деревца

в кучу, небольшой штабель сложить. В штате лесничества у нас техником-лесоводом работает Евдокия Алексеевна. Она тоже поедет, расставит людей, а к вечеру работу примет.

– Мне-то что это рассказывать? Это осветление.

– А ты где учился? В Лесозаводске? – поинтересовался лесничий, запомнив, что Сергей уже представлялся в кабинете директора.

– В Лениногорске Восточно-Казахстанской области.

– А... из Казахстана, значит! Так в лесхозе твой земляк работает. Из Алма-Аты приехал, из самой столицы! Представляешь? – лесничий так обрадовался, словно сам встретил земляка. – Нет! Вам надо непременно познакомиться! Он инженер лесного хозяйства. Ты сейчас же сходи к нему!.. Нет! Там в кабинете тесновато, трое работают, повернуться негде. А у нас конторка пустая, тут вам никто не помешает. А я по делам пока схожу. Сейчас всё устрою, – лесничий снял трубку, набрал номер.

– Анечка, попроси, пожалуйста, Кутелева зайти в лесничество. Тут его сюрприз поджидает, – и продолжил, положив трубку, обращаясь к Сергею: – Тебя директор на моё место готовит, так что, если твой землячок инженер придёт сюда, ничего зазорного в том не будет. А пока я покажу границы лесничества, обходов, – он подошёл к карте, висевшей на стене. – Вот смотри: лесхоз занимает территорию всего Кавалеровского района и даже больше. Из Чугуевского прикреплено Сихотэ-Алинское лесничество, контора в Даданцах. Наше лесничество граничит с ним по Сихотэ-Алинскому перевалу и тянется по хребту на север до Тетюхинского района. От хребта река Нотта и её притоки, что текут на запад, впадают потом в Уссури, а она – в Амур. Вот такое интересное место.

– Там памятник на перевале стоит Пржевальскому, Венюкову и Арсеньеву, автобусом вчера ехал, сосед показал.

– Точно! А на восток от перевала наше лесничество. Верховье Тадуши. Река впадает в Японское море. Центр лесхоза и нашего лесничества – Кавалерово. В лесничестве восемь обходов, – продолжал Владимир Михайлович, – всего сто тысяч гектаров тайги, каждый обход лесника больше десяти тысяч.

– Площадь приличная. У нас была равнина. Один лесной квартал сто гектар. Просеки по десять метров шириной, а посередине дорога для проезда машин к месту пожара. А здесь?

– Дороги есть, хватает, а на пожар пешим ходом. Ранец на двадцать литров с водой за плечи, ноги в руки, грабли – и вперёд: листья и хвою отгрести от огня или встречный пал пускать.

– Да, тут и сравнивать с нашими сосновыми борами нечего. У нас пески, а тут, куда ни глянешь, горы, тайга. Русские обживают эти места сколько тут? Арсеньев писал в книжке, что на месте встречи с Дерсу в 1905 году ни одного домика не было. Значит, посёлку Кавалерово и семидесяти лет нет! Должно быть, леса первой группы? Тайга-то уникальная, – размышлял вслух Сергей, разглядывая карту лесхоза.

– Да кто его знает, ты у инженера спроси, какой они группы. Вдоль рек да по хребтам – особая зона, а какая в тайге – не скажу. С меня про план спрашивают, вот и приходится клянуть бензин или менять его на дрова у какого-нибудь предприятия, трактор брать на время. Людей не хватает, техники, бензопил, запчастей...

Владимир Михайлович достал из своего письменного стола папки с документами.

– Ознакомься: вот годовой, квартальный и месячный план лесничества, вот штатное расписание, вот справочники. А вот, – он подвёл Сергея к книжному шкафу, – таксационные описания, тут всё указано: границы кварталов, названия рек и посёлков, разберёшься. Вот в этих двух томах – что в лесу растёт, какие деревья и кустарники, какая почва и трава. Интересно, но читать некогда.

В дверь без стука вошёл молодой человек в форме лесничего, светло-зелёной куртке с тремя золотистыми шевронами на рукавах и тремя звёздочками в петлицах. Сергей отме-

тил, что волнистые тёмные волосы аккуратно подстрижены, сам сухощавый и выглядит очень молодо. Инженер внимательно глянул на Сергея в солдатской форме.

– Познакомьтесь, – обрадованно представил Владимир Михайлович, – Агильдин Сергей Фёдорович из Казахстана. Представляешь, сам приехал без направления!

Сергей вышел навстречу, протянул руку для знакомства.

– А это инженер лесного хозяйства Кутелев Виталий Георгиевич. Ну, вы тут пообщайтесь, а я пойду лесников с дежурства сниму, отправлю с Басаргиным за его хозяйством.

Земляки с удивлением и удовольствием пожали друг другу руки.

– Давай присядем, – предложил инженер, усаживаясь за стол лесничего. Сергей, придвинув стул, сел напротив.

– Каким ветром тебя сюда занесло? Ну, давай, рассказывай! – в его голосе прозвучали весёлые нотки, и он, приподнявшись со стула, по-приятельски легонько хлопнул Сергея ладонью по плечу, почувствовав накачанные мышцы.

Агильдин поведал свою историю с приездом в Кавалерово.

– А у меня всё прозаичнее вышло. Я после техникума в разных местах успел поработать, затем приехал в родной свой город Алма-Ата, к родителям, в институт поступил на заочный факультет, женился. Там и сынишка мой родился. И сложились так обстоятельства: семья жены надумала уезжать, тёще климат оказался неподходящим, жарким, да и национализм стал проявляться в отношении русских. Один год я работал в городе на деревообрабатывающем комбинате краснодеревщиком, для Дома Дружбы из дуба и ясеня столярку делали – окна, двери, перила, но надо было устраиваться по специальности в лесхоз. Куда? Тесть мой белорус. В Белоруссию? Тёща из Красноярска. В Сибирь? А они романтики, хоть и трое детей, и легки на подъём оказались. Я и предложил: а давайте посмотрим, где платят северные надбавки в самом южном районе страны? Достал справочник по заработной плате для работников лесной промышленности, и оказалось, что это Кавалеровский район Приморского края, широта Крыма и Талды-Кургана, триста километров севернее Алма-Аты. И ещё – его величество случай. На работе у тёщи работал парень из Тетюхе, а это рядом, соседний район, и тоже к Крайнему Северу приравнен. Описал природу, сказал, что снабжение по особому разряду, всё в магазинах есть, красная икра круглый год. И заработки – семьдесят процентов надбавка, и лето тёплое, и зима мягкая. Дал адрес, у кого можно на первое время остановиться. Родители быстренько продали дом в городе, отправили контейнер до Чугуевки и с младшими дочками первыми уехали поездом, а чуть позже и мы прилетели – я, жена и сын четырёх месяцев от роду. Так самолётом и везли его в коляске. В Тетюхинском лесхозе свободной должности на тот момент не оказалось, а в Кавалерово на выбор – лесничим Высокогорского лесничества, инженером лесного хозяйства и инженером охраны и защиты леса. И жилой двухквартирный дом – вон из окна отсюда видно – как раз достроили к зиме, тут квартиру и дали, две минуты ходьбы. Учусь на шестом курсе, весной диплом. Жена с ребёнком дома сидит пока, а мне удобно на этой должности к сессиям готовиться. Трудновато, конечно, на одну зарплату, но родители жены помогают. Первые два года мы всё порывались в Алма-Ату вернуться. Лето в Приморье, как в эпоху мезозоя, – духота, влажность. Зимой снегу выпадает больше метра, а сугробы наметёт, так и того выше, а я его дико не люблю, я южанин, но привыкаю. В Казахстане тепло, но, как вспомню случай в автобусе и слова старого казаха, видимо из потомков басмачей недобитых, который потребовал от пожилой русской женщины, чтобы она ему место уступила: «Я хозяин страна», – так желание и пропадает в Алма-Ату возвращаться. Хотя там все родственники остались и могилы дедов и бабушек, а в России мы среди русских – свои, русские. Да и во Владивостоке мои родственники по материнской и по отцовской линии давно живут.

– А у нас, в Семипалатинской области, много немцев и мало казахов, там я не замечал подобного, – Сергей вспомнил родину, – Казахстан большой, но мне приятно встретить земляка аж из самой столицы Алма-Аты, с Тянь-Шаня.

– Да, это Заилийское Алатау, предгорья. Меня матушка родила на пасеке колхоза «Горный Гигант» в урочище Медео, дед с бабушкой там после войны пчеловодами работали.

– Там же знаменитый каток, чемпионаты мира проводят, – с восхищением заметил Сергей.

– И альпийское разнотравье, медоносы, голубые ели и красивые пики гор с нетающими ледниками.

– И как? Досталась тебе по наследству тяга к пчёлам?

– Конечно. Я учебник по пчеловодству издания ещё аж 1937 года в четвёртом классе выучил, пчёлы для меня – это особый мир, моё увлечение. Держал и в пустыне, когда работал в Прибалхашских песках, и в Алма-Ате, там у родителей квартира в Хрущёвском посёлке. И здесь, в лесхозе, возле дома стоят шесть ульев. Кочевать нет возможности, учёба, малыш, надо жене помогать, а для себя хватает, тайга-то рядом.

– А в пустыню как занесло?

– Я закончил в Лениногорске лесной техникум в 1967 году. Проходил практику в Павлодарской области, в Лебяжьем. В армию не взяли, по распределению работал помощником в Текесском лесничестве на границе с Китаем и Киргизией на высоте двух тысяч метров над уровнем моря. Тянь-шаньские горы, недалеко пик Хантенгри... Там наша семья – я, сестрёнка, мама и бабушка – оказалась единственной русской семьёй на совхоз, где работали одни казахи. Ну, это я потом как-нибудь тебе расскажу. Зиму там поработал, но так и не привык, хотя казахский язык выучил. Жить на высоте две тысячи метров над уровнем моря непривычно для моего сердца, всё время его ощущал, объяснил в Управлении, и направили меня работать в пустыню, под Балхаш. А там лесничество – за пятьсот километров от Алма-Аты, в пустыне Сары-Ишикот-Тау-Кум. Вот аж куда занесло, в Бала Топар! Бала по-казахски означает маленький, а Топар – это протока, ответвляется от реки Или и впадает в озеро Балхаш неподалеку от этого села. Так что, если взять географическую карту, то повидал я природу Алтая Восточно-Казахстанской области, где учился после школы в техникуме, а климат там сибирский и красота осенью неопишуемая. Символично получилось: в Большом Алма-атинском лесничестве родился на пасеке, а в Мало-Алма-атинском лесничестве, где работал спустя двадцать два года, с будущей женой познакомился.

– Вот это биография! И когда ты успел? И это всего-то, получается, за восемь лет? Вот это да! Просто удивительно! Ты мне сейчас как родственник на всё Приморье! Бывает же так по жизни, когда друзья роднее брата родного!

– Будем надеяться, что так и будет.

– А Досыма Кимбаевича Есимбаева помнишь, завуча?

– Конечно.

– В Министерство его взяли, из Лениногорска уехал, теперь в Алма-Ате живёт.

– Поеду в отпуск – навещу. Душевный человек, помню его наставления, он как отец для меня был, опекал, советом помогал. Рад за него, – инженер посмотрел на часы. – Мне ещё документы директору на подпись, а с тобой не раз встретимся, ты ко мне частенько будешь заходить лесорубочные билеты оформлять на рубки ухода.

Молодые люди улыбнулись друг другу, крепко пожали руки.

В обед Сергей пошёл по указанному адресу устроиться на квартиру. Постучал по штакетнику забора, выясняя, нет ли злой собаки во дворе. Из-за временки выскочила лайка, вызывая хозяина.

На крыльце появилась молодая девушка, его ровесница, с правильными чертами лица. Успокоив пса, она подошла к калитке.

В её голубых глазах, притягательных и красивых, он прочёл удивление. Наверно, она кого-то ждала, и Сергей втайне позавидовал тому парню.

– Здравствуйте, Ломакины здесь живут?

– Здесь. А вы что хотели?

– В лесхозе сказали, что у вас свободная летняя кухня. Мне жильё снять надо.

– Пошутили над вами, – вспыхнула девушка и слегка покраснела. – А, впрочем, на соседней улице живёт бабушка Севастьяновна, вот к ней сходите, ей помощник по хозяйству нужен. Вот и будете друг за другом присматривать, – лукаво улыбнулась и объяснила, как пройти.

– Хозяйка! – позвал Сергей, придерживая рукой калитку. Из собачьей будки выскочила дворняжка, верно отработывая хлеб, залиvisto завелась лаем. Из летней кухни, стукнув дверью, вышла бабушка.

– Доброго здоровья вам! – поприветствовал Сергей. – Подсказали, что на постой можете взять, от Ломакиных иду.

– Спасибо на добром слове, – ответила она, подходя поближе и разглядывая парня.

– Я из Казахстана, после армии. Устроился в лесничество на работу, а казённого жилья не будет, пожалуй, с год. Понравится тут – так и свой дом поставлю. Ну, а пока на квартире придётся пожить. Пустите на постой, Христа ради!

Сергею посоветовал так обращаться сосед по пассажирскому автобусу, когда они ехали из Владивостока: «Староверы в Кавалерово частенько встречаются, они не откажут, если Христом Богом будешь просить о помощи какой».

– Заходи. Только пёсика на цепь привяжу.

Севастьяновна жила одна, держала корову, сажала картофель и огородину всякую, обслуживая себя. Дочери и зятья помогали сено наготовить, урожай в погреб заложить. Но работ для мужских рук всегда во все времена хватало: дров наколоть, воды нанести, за скотиной убрать.

– Ну, а сподручно будет помочь? – поинтересовалась она.

– В лесхозе вырос. Привычно. Справлялся.

Севастьяновна пригласила за стол, налила большую кружку молока, отрезала хлеба. Села рядом обсудить плату за постой и питание. Сговорились быстро. Не торгуясь, Сергей принял условия, рассказал о себе.

– А вы, что ж, одна живёте? Родных нет?

– Дочери выросли, а их три у меня, замуж вышли. Навещают. А в родном доме и стены греют.

– А муж?

– Муж на войне погиб. А другой позже ушёл из жизни – ран было много, осколок в голове носил...

– Да, грустная история.

– А чего ж тут грустного, на то она и жизнь. Счастья на мою долю выпало тоже немало. До войны мы втроем дружили, два друга любили меня. Выбрала я того, к кому сердце лежало. Поженились. Трое малых детей, один другого меньше, уже по койкам. Друг его всё не женится, к нам да к нам. Тут война. Погиб мой голубь. Дети подрастают, «где папка?» спрашивают. А сказать-то боязно, горе детям-то какое. С верой, что папка с войны придёт, жили. Война кончилась. Всё ждём. И тут как-то заходит наш друг в солдатском, с медалями, с вещмешком. Поседевший, натерпевшийся войны, постаревший. Узнать-то с трудом. И тут дети кинулись: «Папка приехал!» – все в один голос и к нему на шею, от радости плачут. Как мне было сказать? Грешна. Святую ложь долго носила, пока не выросли. От людей-то не спрячешься. Но, и вправду сказать, никто ни меня, ни детей не корил, и словом не обмолвился, что дети-то ему не родные. В любви и согласии прожили мы, сколько Бог отвёл.

Пообедав и расспросив, где находится поликлиника, Сергей сделал прививку от клещевого энцефалита, зашёл в лесхоз забрать обмундирование, под вечер наносил из колодца воды, истопил баню, убрал в хлев. Севастьяновна отвела ему свободную комнату, светлую и просторную, бывшую детскую спальню. Он подошёл к окну, разглядывая соседские усадьбы с домами, стайками и времянками, перекопанной землёй после собранного урожая, стожками

сена. На соседней улице выглядывал дом Ломакина. «Дочка у него, конечно, красивая, – вспомнил он, – простая, деревенская. И ничего особенного такого в ней нет, но очень уж притягательная. И в лесхозе секретарша ничего из себя, цену держит, красавица. Но дома-то она другая: когда корову за титьки дёргаешь – вот тогда спесь и проходит, знакомо».

– Серёжа, – прервала хозяйка, – попарься в баньке с дороги, – подала чистую старенькую простынь и пахнущее свежестью полотенце. – Дубовый веничек под навесом. Потом приходи, повечеряем.

Сергей снова и снова поднимался на полоч похлестаться распаренным веником, отмякнуть в деревенской деревянной баньке, отводя душу за годы службы в армии, облился ледяной водой из колодца. Оделся, отдохнул на маленькой веранде и зашёл в летнюю кухню. На столе стоял потемневший от времени медный самовар на большом подносе старинной работы, припорошённом золой, с фарфоровым заварным чайником в кованой узорчатой корзинке на трубе и блюдцем под краником.

– Самогонки налить? – спросила хозяйка.

– Да нет. Я предпочитаю чай со смородиновым листом.

– Листьев, цветов и ягод малины засушила, сейчас заварю, голубь, а смородина только в варенье, – она захлопотала вокруг постояльца, выплёскивая скопившуюся от одиночества любовь.

– А что это за девушка, что меня к вам отправила, Ломакина? – поинтересовался он.

– Ленка? Она славная. Заместо сына у соседа. Да не везёт ей. То мать ушла рано из жизни, то жених из армии привёз себе жену с ребёнком. По-соседски дружила с Федькой, он старше немного, в школу вместе бегали, потом заженихались, ждала его. А вон, видишь, как дело обернулось.

– А в лесхозе секретаршей работает кто такая?

– Анька Титова, что ли? Да так, выдерга. А человек ничего, хороший. И родители трудолюбивые. Хорошие люди. Папка избаловал дочку любимую. А так ничего. Выйдет замуж – золотой женой будет.

– А причём тут выдерга, не пойму, если девчонка хорошая? Сегодня в лесхозе устраивался на работу, она приказ на меня оформляла, важная такая, прямо министр в юбке. Дёрганая, что ли, по-вашему?

– Есть такой у плотников инструмент, гвоздодёр, его ещё выдергой называют.

– И причём тут секретарша? Кому она гвоздодёр? Кому выдерга? Не пойму.

Севастьяновна засмеялась.

– Кто не знает её, так тому выдерга, тонюсенькая такая, как лом. С одной стороны каблучки, что шпильки, с другой головка всегда аккуратная такая, стриженная. А язычок остренький, станешь приставать – так отбреет, пустые слова из тебя повыдёргивает, выправит да тебе же и вернёт, высмеет. Комсомолка, хоть ещё и не жила на свете как следует. Может, потому у неё с парнями и не складывается, всё по её слову делать надо, а слово-то у неё – железо, справедливо рассуждает. Да не всякому это и понравится. Правильная, вся в отца и гордится им. Не смотри на то, что он шофёр в лесхозе. Титов в войну до звания майора дошёл.

– Дослужился, – поправил Сергей.

– Понимаешь, сынок, в мирное время, ты прав, человек – дослужился. А в войну – дошёл, по моему понятию, как до Берлина. Когда по горю четыре года шли и мы своих мужей теряли, язык не поворачивается сказать – дослужился. Не выслуживались простые мужики перед Родиной. А звание новое – как похвала, что людей берёт, а если и гибли, то не могло быть иначе. Чем ещё я могу оправдать те потери? Слезам? Вот и мой погиб, победить-то надо было, не всем повезло в живых остаться.

Пужинав, Сергей поблагодарил Севастьяновну за заботу, пожелал доброго сна, ушёл в свою комнату. Опустившись в мягкую перину, ощутил себя частью этой новой для себя семьи,

вспомнил своего отца и долго не мог уснуть, перебирая в памяти картинки минувшего дня и думая о дружбе и любви в судьбе хозяйки.

Осеннее утро обдавало холодком. Рассвет розовыми оттенками скользил по склонам сопки. Сергей вышел на улицу. В рюкзак Севастьяновна положила на обед полулитровую бутылку молока, хлеб, пару варёных яиц, маленький кусочек сала и луковицу. В тряпку Сергей замотал топор да брусок для заточки металлических кос в сенокосную страду и сложил в рюкзак. Набросил обе лямки на плечо и заторопился на работу.

Впереди шла девушка. Он прибавил шаг. «Похоже, что это соседка, Ломакина дочь, – подумал он. – Тоже, видать, на службу идёт, а фигурка у неё очень даже хорошо сложена, и ножки стройные. Наверное, спортом занимается». Поравнявшись с ней, поприветствовал.

– Здравствуйте, – и, сделав паузу, добавил чуть тише: – Лена.

Девушка полуобернулась, удивлённо посмотрела на Сергея. Узнав вчерашнего непрощёного гостя, улыбнулась.

– А имя моё откуда известно?

– Сорока на хвосте принесла, – засмеялся Сергей.

– Понятно. Севастьяновна насплетничала.

– А куда спешите?

– На работу.

– И где моя соседка работает, если не секрет?

– Не секрет. В лесхозе.

– Надо же. И я устроился помощником лесничего. На следующий год должность лесничего пообещали. Давайте на «ты» по-соседски?

– Я не против. Кстати, я тоже хотела на лесфаке учиться на инженера. Мой папка отработал всю жизнь в Сихотэ-Алинском биосферном заповеднике да мне отсоветовал. Бухгалтером спокойнее. Знай считай циферки, а лесничему надо план выполнять, руководить, контролировать. Лес охранять – занятие мужское.

– Так сколько должностей есть и для женщин: лесными культурами заниматься, саженцы выращивать, инженером лесного хозяйства лесосеки рассчитывать, с документами работать и помощником лесничего можно, хлопот меньше.

– Когда пожароопасный период, никто не смотрит, женщина ты или мужчина, дежурство сутками у телефона. Нет, бухгалтером лучше, рядом дом всегда. Отработала восемь часов – и занимайся делами. Хозяйство, детишки. Забот-то всегда полон рот.

– А что, и детишки уже подрастают?

Лена засмеялась.

– Нет пока, но вот это и есть женское дело – малышей на ноги поднимать... Не сейчас, так будут. И никуда от этого нам, бабам, не деться.

У конторы, рядом с автобусом, толкались рабочие и лесники с тощими рюкзаками, в поношенных энцефалитных, выгоревших на солнце костюмах. У Сергея он выделялся новизной, ярким защитным цветом. Лена поприветствовала всех кивком и негромким «Здравствуйте», прошла в контору лесхоза.

Сергей подошёл к лесничему.

– Так, тихо, братики! Знакомьтесь, мой новый помощник Сергей Фёдорович Агильдин.

– Сергей.

Протянув руку для пожатия, он обошёл мужчин и женщин, запоминая их имена и разглядывая лица.

– План по осветлению надо закончить до конца недели, – продолжил лесничий, – навалимся, братики, все – и рабочие, и лесники, и Сергей Фёдорович согласился поработать в бригаде для лучшего знакомства, крепкий, молодой, для пользы дела. Осветление ведём на обходе

лесника Девадзе, он ответственный за технику безопасности. Так, братики, – скомандовал он, – по машинам!

Не спеша потянулись в автобус, рассаживаясь по мягким сиденьям. К Сергею подсел молодой человек, аккуратно подстриженный.

– Вовка-бич, – приветливо улыбаясь, подал руку он.

– Это что, фамилия такая, так прямо и Бич? – с недоумением пожал плечами Сергей, почувствовав в рукопожатии силу. В автобусе прыснули.

– Да Стрельников он по фамилии, – водитель Титов Владимир Иванович, усмехаясь, обернулся, – куражится, не обращай внимания.

– Ага. Бывший интеллигентный человек то есть. Не слыхал, что ли?

– Не ожидал в тайге встретить. В городе – понятно. Наверное, учился да бросил?

– Угадал. Точно. На втором курсе как-то загулял. Сорвался. Отчислили за хвосты. Ехать к мамке стыдно. Вот, взял билет на автобус, сколько денег хватило. Так в Кавалерово и попал. Да не везде такие, как я, на работу могут устроиться. В лесхоз взяли пожары тушить, два года здесь.

– В интересную, видимо, попал компанию, если из института попросили?

– Весёлая была компания. Я на саксофоне в музыкальной школе учился, а в институте стипендии всегда не хватает, подрабатывал в ресторане. Красиво жить не запретишь. Вот малопомалу и затянуло. Кто заказывает музыку своей подружке, деньгами сорит, кто коньяк с запиской поднесёт. Мы нашим квартетом и покуражились, и подурачились, и попили изрядно. Один даже сгорел от водки. Поехали мы за ним в морг. Я и так хорош был, а перед тем, как друга забирать, для храбрости ещё поддали. Гроб с покойником друга вынесли, а про меня забыли. Не заметили, что я присел на бетонный стол, а потом и прилёг. Проснулся ночью, не пойму, где нахожусь. Свет тусклый, и люди голые на столах. Мужики, бабы, всякого возраста. Кто старше, кто моложе. Не то притон какой, не то больница. Сообразить не могу. Отлежался там. Заходят утром женщины в белых халатах, а я со стола встаю – и к ним. Спрашиваю: «Где я?..» В ответ ужас в глазах, вопли, все разом кинулись в двери. В общем, уже в лесхозе допился до чёртиков. Дал матери телеграмму: «Приезжай на похороны сына». Приехала. Какой встреча была, можешь представить. Уговорила директора лесхоза отправить меня лечиться в ЛТП. Полтора года там провёл. Держусь. Вот, Светка помогает, – он кивнул на соседку крепкого телосложения. У её ног, обутых в кирзовые сапоги, лежал топор, обмотанный тряпкой и обвязанный шпагатом. Она застенчиво улыбнулась Сергею, давая понять, что предложение к дружбе состоялось. – Теперь полезными делами занят.

Титов, мягким баритоном вступив в разговор, невольно заставил прислушаться к своему отработанному голосу командира.

– Сталин посадкам леса и в войну уделял внимание. Платили по булке хлеба в день, и это когда в Ленинграде люди с голода умирали. Вот цена твоей работы. Ты теперь рабочий государственной лесной охраны, значит, государев человек. И мыслить так должен, а не шалопайничать.

– А царь-то здесь причём? Или вы о Сталине?

– Я о государстве. Каждый из нас царь своей судьбы.

– Так я ж, вот, работаю.

– А надо так, чтоб свободного времени не оставалось. Завести хозяйство, детей. В войну только за счёт того, что имели, и выживали. Зарплата мизерная. Бедненько жили, конечно, да душами чисты. Вещь какую купить из хвастовства перед соседями – такого не было. Жили восточкой с фронта. Бывало и такое после войны: получают лесники свой мизерный оклад, соберутся в лесничестве да за день и пропьют. Потому как добывали продукты питания своим трудом, с огорода, из тайги. Это после победы над Германией понавезли солдаты жёнам да сёстрам дорогие платья из шёлка, себе костюмы, пододелись. А сейчас лесхозу по разнарядке выделяют

костюмы, обувь, платья, джинсы за то, что японцам кедр отводим под вырубку. Будто самим кедр не пригодится или зверь в тайге не нужен стал.

Сергей вспомнил фамилию водителя: Титов, отец Ани. Вот он какой. И дочь такая же, наверное, серьёзная, с назиданиями. Яблоко от яблони недалеко падает. Какое ему дело до Вовки-бича? Воспитывает как наставник? Наверное, от профсоюза или от партии закрепили присматривать и поправлять при случае. Подумал, что коллектив лесхоза небольшой, но сплочённый, друг за друга переживают. Из Вовки-бича, глядишь, и лесника сделают, на должность назначат. И какой же он бич? Ухоженный, подстрижен, весёлый. Над собой посмеивается, каким он был, и самому приятно, каким стал. Интересный человек.

Автобус остановился на краю дороги. Подобрал рюкзаки, лесники спустились по откосу вниз и грунтовой, разбитой колёсами лесовозов дорогой потянулись в глубь распадка реки Свояковка. Прошли в дубняки, разреженные санитарными рубками, по пологому склону потянулись малоценные березняки после пожарищ, засаженные пять лет назад молодыми кедрками. Над ними нависали кусты лещины и кроны молодых берёз – их предстояло вырубить вокруг каждого маленького хлебного дерева.

Сергей, разглядывая их, подумал, что лет через тридцать они поднимутся выше человеческого роста, оденутся в зелёную пышную крону, а он к тому времени пойдёт на пенсию, отслужив тайге и государству. А ещё через шестьдесят лет кедрки впервые зацветут, выбросят метёлки, мужские одарят пылью женские, завяжется шишечка – молодая, зелёная, еле заметная с земли, и, набрав за следующее лето сил, опадёт на землю зрелой шишкой. Да, вот этот маленький кедр впервые в тайге зацветёт в девяносто пять лет!.. А он этого события, пожалуй, уже не дождётся. Старость кедрки подкрадывается к трёмстам годам. И это не предел. И в этом возрасте он плодоносит ещё полвека. Шишки становятся мельче, количество их в урожайные годы возрастает, они устилают землю до самой весны, и кормятся орехами птицы, звери, люди. Затем древесина станет совсем смолистой, и на ветках засохнет хвоя, не получая питания из земли.

Девадзе показал на рядок с пятилетними саженцами кедрки, направление лесополосы и ориентиры, по которым выходить из леса на дорогу.

– Сабираемся в пять часов, – напомнил он. – Нэ потэрайся, прашу тебя очэнь! – и скрылся с бригадой за берёзами.

Сергей огляделся, определив стороны света, взял ориентиры на противоположные сопки на юге. Встав спиной к северу, посмотрел, куда падает тень утром, и прикинул, где она должна быть вечером. Наточил топор и принялся вырубать кустарник, берёзы и осину. Хворост и стволы аккуратно сложил в штабельки. Он вспомнил лекцию, как происходит разложение листьев, веток и древесины грибами и бактериями, как они превращаются в лесную плодородную почву, становятся питанием для корней кедрки. Первый день работы в лесу прошёл быстро. Хотя с непривычки ныла спина, Сергей был доволен тем, что он нужен лесу.

Солнце клонилось к закату, послышался длинный призывный сигнал автобуса, Сергей вышел на лесную дорогу и зашагал на звук. Ему встретилась Евдокия Алексеевна, техник-лесовод. Она с блокнотом в руке шла от одного штабеля к другому, замеряя рулеткой высоту, ширину и длину, высчитывая объём выполненной работы, чтобы выписать наряд на заработную плату.

Люди устало выходили из тайги к автобусу. Сергей устроился у окна и смотрел на склоны гор, плавно уходящие ввысь, покрытые кедровой тайгой, дубняками, ельниками, смешанным лесом. Какой мизерный участок ему удалось осилить за день и сколько потребуется времени и сил, чтобы ухаживать за тайгой так, чтобы она оставалась богатой и щедрой! На это мало будет и вечности. А вот уничтожить хватит и одного века.

Он вспомнил описание леса Арсеньевым: тогда, семьдесят лет назад, осенью ревели изюбры, и эхо разносило эти звуки, сладостные слуху, наполняло лес жизнью. А сегодня за весь

день он не услышал и не увидел ничего такого, что бы напомнило о богатстве мира зверей и птиц вблизи районного центра.

Автобус, натужно повизжав шестернями коробки передач, увеличил скорость, покати́л всё быстрее, шурша резиной колёс по асфальту. Сергей вспомнил Лену и подумал, насколько мудро поступил её отец, посоветовав стать бухгалтером.

Автобус в посёлке остановился на знакомой улице, Сергей попрощался с лесниками, забрал свой рюкзак и поспешил к дому Севастьяновны. Проходя мимо дома Ломакиных, он заметил, что Лена вышла из коровника с ведром, обвязанным белым платком. Они издали кивнули друг другу. Сергей так захотел парного молока, что, зайдя в дом, первым делом спросил хозяйку:

– А у нас не осталось молочка тёпленького, парного?

Севастьяновна засуетилась, поставила на стол кринку, кружку, отрезала хлеба.

– Щи будешь?

– Буду и щи, и всё, что найдётся. Намахался топором с непривычки, аж спина гудит.

– Я тебе и баньку подтопила, сходи попарься.

– Спасибо, это уж точно, после неё словно заново на свет народишься.

Перед сном Сергей ещё раз глянул в окно на усадьбу Ломакиных, там свет в окнах погас.

Утром он поймал себя на мысли, что первым делом вспомнил о Лене, и прикинул, во сколько же надо выйти из дома, чтобы встретить её по пути на работу. Из окна веранды заметил, что девушка вышла из калитки, и поспешил.

– Доброе утро! – поприветствовал Сергей, улыбаясь и слегка наклоняя голову.

– Привет! Поджидаешь? – Лене стало приятно внимание парня.

– Да как-то веселее за разговорами. Нам же по пути?

– Это так.

– Ты вчера говорила, что отец работал в заповеднике?

– Да, его после института направили, он очень хотел охранять первозданную природу.

– А в Кавалерово почему вернулись?

– Это моя родина. Нашей фамилией распадок назван неподалёку от села Богополье. Прадеды наши первопоселенцами тут были, тогда крестьянам по столыпинской реформе сто десятин полагалось. Дед в революцию был командиром партизанского отряда в Богополье, а отец на войне был тяжело ранен, его родителям даже похоронка пришла. А соседняя падь называется Деревянкина, по бабушкиной линии. И дом у нас тут в посёлке оставался, так что было куда возвращаться. Да и причина появилась: не захотел папка в заповеднике после одного случая работать. Учёный человек, научный сотрудник, таксидермист, чуть до инфаркта его не довёл.

– Он же крепкий человек, фронтовик, войну прошёл. Всякое видел.

– То война. Там одни законы. А то мирная жизнь.

– Если не секрет, что там произошло?

– Нашёл папка на берегу залива раненного в крыло розового аиста. Возмутительный, конечно, поступок. Хотелось ему браконьера наказать, но сделать задуманное не получилось. Возможно, кто-то приезжал в Терней в гости, к морю прокатился, пострелял да и скрылся. Заповедная ведь зона. Папка подобрал раненую птицу и домой привёз. Мы всю зиму за ней ухаживали, и она привыкла, стала ручной. Аиста Чапой назвали, жил он в курятнике. С первых дней весны стал подниматься на крыло, пробовать силы и поджидать свою стаю. Сделает несколько кругов над Тернеем – и опускается во двор. Радости нашей не было конца. Мы размышляли, что он вернётся с подругой, совьёт гнездо неподалеку от посёлка, а то и в нашем дворе, на крыше дома, выведет птенцов. Но случилась беда. Родители были на работе, я в школе. И надо же было, чтоб учёный из заповедника заметил, как в небе летает редкая птица. Покружив над посёлком, она приземлилась в нашем дворе, спокойно расхаживала и клевала с курицами зерно. Он-то знал, что розовые аисты – это редчайшие в мире экземпляры, их оста-

лось на всей планете всего десять пар, и они под охраной ЮНЕСКО. А тут вот ходит непуганый. Его забила мелкая дрожь, затрясло от удачи и возможности занять в своей коллекции бесценный экземпляр. Этот дубина от науки побежал в свою лабораторию за хлороформом. Легко подманив птицу, накинул мокрую тряпку на голову и задушил. Наш сосед увидел это кощунство, побежал спасать Чапу, но было уже поздно. Таксидермист с обмякшей птицей под мышкой скрылся. Сосед позвонил в лесничество. Отцу стало плохо, и его отправили в больницу. Он из своей палаты подолгу смотрел в открытое окно на синее небо. И вдруг услышал журавлиный клик. Три розовых птицы делали круг за кругом над посёлком, выкликая к себе нашего любимого Чапу. Отец не захотел больше общаться с учёными, уволился из заповедника, и мы переехали в Кавалерово.

– Грустно, семейная пара трагически не состоялась, а могла бы оставить потомство. Неужели учёный мог так поступить? – размышлял Сергей вслух, шагая рядом с Леной.

– Папка говорит, что птиц и зверей, занесённых в Красную книгу, на планете много. И каждое государство ограничивается тем, что не мешает исчезать виду, является как бы посторонним наблюдателем. Если человек приручит зверя или птицу, считается, что он обрёл их на гибель. А, по-моему, нужен закон, нужна государственная программа для всех заповедников мира. Отловить сеткой можно было бы эти две пары, отбирать из гнезда оплодотворённые яйца хоть всё лето, по одному, по два – и в инкубатор. Птица будет докладывать яйца, у неё инстинкт такой, вот и проблему можно решить, сохранить вид. И на одного полезного учёного в заповеднике стало бы больше, если ему создать условия.

– Да, конечно, ты права, нужна такая программа. И не только для заповедников. И лесхозам, и коопзверпромхозам не мешало бы делать всё возможное, чтобы увеличить численность зверей и птиц. Я вчера за весь день в лесу зайца даже не увидел, фазана или рябчика.

Дойдя до конторы лесхоза, они, молча попрощавшись, улыбнулись друг другу, и Сергей свернул в дом лесничества, а Лена – в бухгалтерию.

* * *

Шестого октября 1972 года на склоны Сихотэ-Алинских гор налетел ураганной силы северо-западный ветер. Свинцово-тёмные тучи застлали небо. Тайга стонала. Шквалы ветра врывались один за другим на вершины сопок, стегали неутихающим ливнем тайгу. Падая на землю, со стоном охали стволы елей, не удержавшихся корнями за камни и почву. Штормовой силы ветер свирепствовал в тайге всю ночь и не давал зверью покоя: те в ужасе пробирались сквозь чащобу, спускались в низины южных склонов распадков, жались к скалам и скалкам, ища затишья. Наутро ветер поутих, рваные облака убежали к морю, и небо прояснилось. От ледяного ветра ещё вчера зеленоватые шишки на кедрах приобрели светло-коричневый оттенок. Янтарные капли смолы проступили по краям чешуек, они тусклопато поблёскивали на солнце, давая понять: орешки обрели восковую спелость, и человеку пора в тайгу собирать урожай.

От дикой силы ветра лишь малая толика обильного урожая шишек упала на землю. На макушках деревьев они будут дозревать всю оставшуюся осень и только зимой – падать от ветров на землю. Природа придерживает впрок: мол, потерпите – и получите остальное. И падают шишки с макушек кедров, словно это закрома хозяйки.

После ночного ненастья пошёл отсчёт дней второго бабьего лета. Осень одела в золото и багрянец листву по склонам гор, долинам рек. Так она радует глаз две недели. Незаметно померкнул от ночных морозцев краски, день ото дня становясь всё более блеклыми.

И уходят жители посёлков и сёл за шишкой, растягивая удовольствие побродить от дерева к дереву, едут по лесным дорогам на мотоциклах за хребты, легковыми машинами да попутным автобусом в соседний район добыть орешков на зиму для лакомства любимым. А

кто-то промышляет и для денег. Скопить на вещь, построить дом. Собрать тонну, а то и другую. И забираются промысловики в заветные свои места.

* * *

Болотов аккуратно расставил на полке в книжном шкафу журналы учёта выполнения лесохозяйственных работ, навёл порядок на рабочем столе. «Завтра – я в отпуске». В хорошем настроении он выглянул из кабинета.

– Анна Владимировна, позвони Емельянову, пусть ко мне зайдёт.

Анна спрятала зеркальце в стол, мило улыбнулась и кивнула.

Виктор Кимович вырос на юге Приморья в Черниговском лесхозе, где отец работал директором. После школы закончил лесфак, по распределению работал лесничим Тайгинского лесничества Тетюхинского лесхоза. В райкоме заметили молодого специалиста, приняли в партию и взяли на работу инструктором, чтобы иметь резерв на должность главного лесничего, а затем и директора лесхоза. Вскоре отец вышел на пенсию и попросил перевести его поближе к сыну в Кавалерово на свободную должность главного лесничего, чтобы освободить её своему сыну, когда сложатся все необходимые для этого условия, помочь сделать карьеру. И такой случай представился. Отец, используя знакомства в управлении лесного хозяйства, договорился о назначении сына на своё место главным лесничим в Кавалеровский лесхоз. К высокой должности полагалась благоустроенная двухкомнатная квартира в центре посёлка, и его семья переехала на новое место жительства.

В дверь постучали.

– Заходите, присаживайтесь. Владимир Михайлович, у лесничества план на четвертый квартал заготовить две тонны семян кедра. Справитесь?

– А давайте, как коопзверпромхоз, дадим объявление в газету, обратимся к населению. Народ-то шишкует, ему всё одно кому сдавать, была бы цена, отвезёт и в магазин «Дары тайги» во Владивосток.

– А наша задача – собрать семена в элитных кедрочках. По документам есть у нас под Ольгинским перевалом резерв Министерства обороны. Первозданная тайга, не тронутая человеком. Запас семьсот кубометров на гектар. Вот такие насаждения мы обязаны оставить потомкам. Вначале собрать семена с лучших деревьев, с отличными наследственными качествами, затем заложить в стратификацию, весной посеять на питомнике, а через три года рассадить по малоценным березнякам да по гарям прошлых лет, восстановить богатство уссурийской тайги.

Не имея ни малейшего понятия о продуктивности леса и селекционном отборе, бывший председатель колхоза Владимир Михайлович растерянно посмотрел на Болотова:

– А вы что предлагаете?

– Бригаду отправить, само собой понятно, – спокойно наставлял главный лесничий. – Я-то отпуск взял. Мне бы ещё двух работников, и за месяц справимся.

– Кого послать? Лесники все семейные, в возрасте. В тайге месяц жить не согласятся – хозяйство.

– Пожарного сторожа Вовку-бича направь, он в Грушевой пади летом корневал, проводником вызвался, я с ним переговорил, и помощника своего Агильдина, он у нас новенький, за романтикой приехал, в тайге не бывал. Предложи, ему будет интересно. Наряд на Стрельникова закроешь, вот план и выполнишь, а мы свою долю у него получим, предупреди.

* * *

Лёгкий колёсный трактор «Беларусь» с прицепом, груженным всем необходимым для экспедиции на месяц в тайге, на двадцать пятом километре от Кавалерово пыльной и разбитой

лесовозами краевой трассы в Ольгу свернул на лесную дорогу к реке Грушевой. Наезженная охотниками, рыбаками и корневицами, она оборвалась на берегу.

Трактор спустился в плёс каменистого русла, запетлял вдоль речки против течения, объезжая крупные камни, заводи, упавшие в реку деревья, вымытые из берегов тайфунами вместе с корнями, выскакивал на другой берег, какое-то время ехал по зимней дороге, не пригодной для летних поездок, и снова спускался в каменистое русло.

В кабине с трактористом сидел Стрельников и показывал дорогу. Болотов, Агильдин и двое лесников, отправленных помочь в обустройстве места стоянки, устроились на спальных мешках.

Держась за борт тележки, Сергей разглядывал маньчжурские липы с густой кроной. Тонкие ветви свисали вниз и были облеплены жёлтыми прилистниками и тёмными орешками. Стволы ясеней тянулись к солнцу и говорили о том, что они поспели и годятся для того, чтобы из них делать красивую мебель. Тополя в два обхвата напоминали о том, что в далёкие времена ледниковый период не очень-то коснулся Приморья. Ветви громадных кедров были обвиты лианами дикого винограда с яркими бордовыми листьями и чёрными зрелыми ягодами, побитыми морозцем. На колючих стволиках аралии и кустах элеутерококка красовались зонтики мелких чёрных ягод. Коричневатые листья папоротника и многолетние травы в рост человека возбуждали воображение Сергея, что он вдруг оказался в тропиках, и он напрягся в ожидании встречи хотя бы с дикой козой, или оленем, или, предел мечтаний, с самим тигром, затаявшимся где-нибудь тут в густой растительности.

Виктор Кимович имел представление о Суворовском лесничестве лишь по документам лесоустройства, таксационным описаниям и картам. Место, выбранное им для сбора орехов, значилось как резерв Министерства обороны и представляло собой первозданную нетронутую тайгу с самым большим запасом древесины на гектар.

Для стоянки выбрали поляну на слиянии рек Правой илевой Грушевой. Разгрузили прицеп, нарубили деревцев с ветками в виде рогаток, вбили в землю, на метровой высоте соорудили пол из жердей и застлали хвойником, сверху растянули и закрепили палатку за ближайшие деревья. Рядом соорудили стол, стульями стали чурки, напиленные бензопилой из усохшего кедра. Выкопали погребок под деревянный ящик из-под боеприпасов с плотной крышкой, сохранившийся со времен войны, заложили в него продукты, замаскировали мхом и привалили валежиной.

Помощники уехали. Звуки трактора стихли.

Тайга, обняв то тишиной, то дуновением ветра в хвое, то скрипом трущихся друг о друга ветвей деревьев, то стрёкотом птиц, то цоканьем бурундуков, приняла в свой дикий величественный мир крохотных людей.

Виктор, Сергей и Владимир пошли на берег реки и принесли ведро воды и камней в мешках, выложили из них площадку под костёр, развели огонь, повесили на треноге чайник, помыли руки, поливая друг другу из кружки.

– Пора бы и закусить, – Владимир достал каждому по банке рыбных консервов с яркой этикеткой и надписью «лосось».

– Так, мужики, – главный лесничий положил на стол вилки, нож для консервов, – разница в возрасте у нас с вами небольшая, я в отпуске, мы тут на равных, медведь в тайге хозяин, так что давайте друг к другу на «ты» и просто по имени. Владимир, – он кивнул на Вовку-бича, – старожил этих мест, за старшего будет, проводником.

– Какой там старожил, второй сезон тут, – заскромничал Стрельников.

– Возражения имеются? Нет. Принято единогласно, – главный лесничий, улыбаясь, поставил кружку на стол.

День в кедровой тайге, не тронутой рубками, горел осенними красками, легкий дым от костра рассеивался среди деревьев, окутывал лесников, сидевших за столом, добавляя аромат к чаю с лимонника и отгоняя насекомых, летающих клещей, паразитирующих на изюбре.

– Сергей останется на биваке, – спокойно рассудил Владимир, – чурки на дрова переколочь, в штабель сложить, накрыть корой от кедра, пусть сохнут, месяц тут жить, ужин готовить. А мы сходим и посмотрим, на каких склонах больше нападало шишек, и соберём, что удастся до темноты.

Сергей направился за водой к реке и, не доходя до берега, затаился у дерева, заметив, как *оляпка** ныряет в воду, доставая со дна мелких рачков и чилимов, ручейников. Пробежав по дну, она выныривала, словно маленькая утка. Она была в несколько раз больше воробья, смолянисто-чёрного цвета. За умение плавать под водой её называют водяной курочкой. Она забавно выскакивала на камешек, отдохнув, снова и снова кидалась в воду и выныривала ниже по течению, чуть ли не у другого берега.

Тут Сергей зацепил о ветку ведром, оно звякнуло, нарушив тишину. Дернув хвостиком, курочка испуганно вспорхнула, полетела вниз по реке.

Резкий, ни с чем не сравнимый крик «крее...е...крее...е» заставил его вздрогнуть. Так кричит кедровка в минуты тревоги или опасности. Сергей почувствовал на себе чей-то взгляд, попытался определить, с какой стороны. Кто бы это мог быть, человек или зверь?..

Зачерпнув ведром воды, Сергей поспешил к палатке, где остался карабин. Так и хотелось крикнуть: «Эй, ты, человек, выходи, что тут делаешь? Шишковать пришёл? Так давай к нашему шалашу!» Размышляя, кто бы это мог быть, он развёл большой костёр, повесил над огнём два котелка. В одном приготовил картофель с тушёнкой из говядины, в другом вскипятил чай, налил себе и стал поджидать друзей. Алюминиевая кружка обжигала пальцы, он подул на кипяток, пахнувший лимонником.

«Это не мог быть человек, – подумал он, пробуя реально оценить обстановку, – если бы это были шишкарки, уже бы подошли к биваку. Наверное, это тигрица. Зверь – как привидение. Он может часами лежать где-нибудь на пригорке и наблюдать. Зачем? Почему? Это его тайна, манера поведения жить неспешно, как и подобает царю зверей... Нам, людям, не понять, о чём он сейчас думает и что предпримет... Впрочем, всё это мистика, показалось, наверно, от непривычки оставаться один на один с тайгой, – сделал Сергей вывод. – Но крик кедровки? Ладно, потом подумаем вместе, – решил он, – буду своих поджидать и дело делать: дров наколочь поболее, костёр поддерживать всю ночь придётся, зверь на огонь не пойдёт».

День догорал, густели сумерки, послышались голоса, и вскоре из-за деревьев появились лесники. У костра они высыпали из мешков шишки в одну кучу, остались довольны урожаем.

Виктор достал из рюкзака бутылку водки отметить отпуск, поставил на стол. Владимир занялся костром, тот вспыхнул искрами, добавив тепла возле палатки.

– Мне кажется, кто-то тут есть у реки, у меня такое ощущение, что за нами наблюдают.

– Кажется? Так перекрестись, – посмеялся Владимир.

– И что, по-твоему, зверь не может со стороны за нами наблюдать да подкараулить ночью, когда до ветру в кусты пойдёшь?

– Может.

– Ну, вот.

– Мы его не трогаем, и ему до нас дела нет. Закон тайги. Если только уж совсем старый и очень голодный. Тогда ему терять нечего. Может и тобой закусить. Голод не тётка.

– Да не стражай Серёгу, поработает в лесхозе, поживёт тут, пообвыкнется, – заступился Виктор. – Тигр очень интересный зверь. Умный. За сотню лет, что русские обживают Приморье, он признал человека хозяином тайги. Всех людоедов давно выбили, так что мы на равных. Но у нас есть ещё и оружие, – главный лесничий поправил шапочку на голове и кивнул в сторону палатки, где под спальным мешком лежал пятизарядный карабин, – он знает запах

металла и пороха и держаться будет от нас в стороне. Он уйдёт туда, где стадо кабанов пасётся. Мы тут всех зверей распугали: и свиньи, и изюбри, и козы от нас уже подальше отошли, если паслись в этих распадках. Владимир прав, тигр сам не нападёт, если ты его не спровоцируешь.

– Ещё чего! Нужно мне с ним тягаться, – Сергей расставил на столе чашки, пошёл к костру за котелком. – И всё же, думаю, палатка – не самая надёжная защита от полосатой кошки.

– Палатка – это роскошь в тайге, – Владимир, обретя по приказу главного лесничего старшинство, этим возгордился, но вида не показывал. Для него было очевидным, что Сергей таёжного опыта не имеет, поэтому решил рассказать ему о своих скитаниях.

– Летом на корнёвку палатку не берут.

– Корнёвка... это как надо понимать? – Сергей снял с огня котелок вместе с палкой, на которой он висел, подхватил рукавицей за дужку, поставил на стол ужин, парящий ароматом консервов.

Болотов удивлённо глянул из-под бровей на помощника лесничего:

– Таёжное это слово, когда один или несколько человек уходят в августе в тайгу искать женьшень по красной ягоде, так легче отыскать растение.

Владимир продолжил:

– Рюкзаком выдашь себя. Любой инспектор, охотовед, корневщик поймет, что ты из тайги с добычей. Отберут на законном основании. А кто и выследить постарается, откуда идёшь, да самому те места ещё раз проверить. В тайгу налегке идут: как в автобус зашёл на одной остановке, а на другой в чём был, в том и вышел. Незаметным надо быть, невидимкой, людей стороной обходить. Вместо котелка – консервная литровая банка сгодится чай вскипятить. Удочка или острога на мелкую рыбу, крупа, соль, сахар, сухари, консервы. Нашёл сушину, поджёт, веток наломал под бока, коры надрал с сухих кедров для шалаша, вот тебе и ночлег, гостиница, одним словом, со всеми удобствами, – он, подобрав остатки разбросанных дров, колотых Сергеем, сложил их в штабель для просушки, закрыл сверху корой кедр.

И всё-таки Сергей пережил состояние жутковатое – взгляд в спину, осязаемый гипноз. «Ночью по нужде приспичит, так далеко от костра не отходить, – решил он для себя, – впрочем, – вспомнил, – нужник соорудили неподалёку от палатки и договорились: лес где попало не пачкать, так что подброшу в костёр дров, потом уж побегу». Он поставил котелок на стол и разложил тушёный картофель по чашкам.

Виктор достал из своего поношенного рюкзака завернутые в газету два стограммовых гранёных стаканчика под водку, поставил себе и Сергею. На стол выложил огурчики бочкового посола, разрезал вдоль на четыре части, ломтики солёного сала, кружочки ароматно пахнущей копчёным краковской колбасы, шпроты, луковицу, вафельное полотенце вытирать руки.

– Ничего, Сергей, не переживай! – Виктор налил водки. – Сейчас выпьем, расслабишься. Крыша над головой есть, вон какая палатка, не замёрзнем, а зверь к нам и сам не подойдёт!.. Давай выпьем за мой отпуск, – он поднял стаканчик, предлагая чокнуться.

– А что, давно в отпуске не был? – поинтересовался Сергей.

– Года полтора, надоело с документами дело иметь, отписываться управлению по каждому письму, в тайгу от случая к случаю выбираешься – на питомник и посадки леса, или калину для плана собирать, или на сенокос. Лесничим было всё-таки как-то веселее работать с людьми.

– Тогда за отпуск!

Выпили, закусили луком и салом.

– А где ты живёшь? Далеко от лесхоза? – спросил Сергей.

– В центре, в новой пятиэтажке двухкомнатная квартира, – в голосе Виктора зазвучали нотки хвастовства, – в лесхозе больше ни у кого такой нет, даже у директора. У всех усадьбы – дома деревянные и туалет во дворе, а я на втором этаже в благоустроенной квартире: ванна,

всегда горячая вода, душ, тёплый туалет, благодать! В Тетюхе я от райкома партии получил как инструктор. Когда в Кавалерово назначили, там сдал, а равноценную квартиру здесь получил. Появится второй ребёнок, подам на трёхкомнатную квартиру.

– Вот не пойму, – вступил в разговор Владимир, – человек учится, учится, учится, как завещал великий Ленин, а рабочий всё равно больше начальства получает. И суеты меньше: отработал день и – голова не болит. Да ещё в тайге подработал: элеутерококк копай, шишкуй, корень ищи. Чего гнаться-то за карьерой, по головам наверх идти? В чём смысл?

– Скажи-ка, ты, рабочий, у тебя есть своя крыша над головой? А это первое для жизни. Каждый, кто получил диплом в институте и направление, приезжает на предприятие, и ему квартира готова, поджидает. А ты приехал сюда – прибился к женщине.

– Это ты, того, погоди чуток, вот денег подкоплю, свой дом поставлю, и будет там два этажа, шесть комнат, и ванна, и тёплый сортир, и баня во дворе. Вот возьму участок на краю посёлка – и построю. И будет это не то, что твоя двухкомнатная квартира. И клянчить ни у кого не стану – ни однокомнатную, ни трёхкомнатную. И усадьба у меня будет с банькой, с цветником, с садом, в общем, что надо. Я в вашем двухкомнатном курятнике с тёплым туалетом за деньги жить не стану, ни на первом, ни на пятом этаже. Без баньки – это не жизнь. Для души надо жить, тайгой жить, чтоб просторно душе было и в радость. Я вот уехал на первом попавшемся автобусе по пьяни из города, а, думаю, повезло, что в лесхоз прибился. Я как бросил пить, так и задумался, в чём смысл жизни.

– Это с какой стороны посмотреть. Я под дачу участок взял: и баньку поставлю, и пчёл заведу, – заспорил Виктор. – А зимой в сортир бегать по морозу не каждая женщина выдержит, здоровье богатырское иметь надо. И детям с окраины посёлка в детский сад и школу ходить зимой – тоже неудобства: гололёд, снег по пояс, а ветрища тут всякий раз после того, как снег выпадет. Вот Сергей должность получил, и у него от лесхоза квартира будет. Я проект смотрел, любо-дорого: погреб, веранда светлая, дом вагонкой обит и покрашен, садик сам посадит, контора за стенкой, вход с другой стороны, до работы десять метров. И ты, если рядовым лесником возьмут, тоже жильё получишь от государства, правда, на время – пока на должности. Надо разделять интересы собственников и государственные, лесник – это уже государев человек, стоит на страже леса, как и милиционер. А частник – он и есть частник. Ему надо своё подворье, хозяйство, это неплохо, но с государственной точки зрения надо совхозы укреплять. Впрочем, и там рабочему дают государственное жильё. На предприятиях очередь для тех, кому надо улучшать жилищные условия, но там можно простоять и двадцать лет. Ветеранам войны – отдельная: избавился от своего дома, продал или подарил сыну, дочери – получай благоустроенную. На старости лет все удобства под рукой.

– Вот-вот, само государство говорит: сиди на пенсии и ничего не делай, – не унимался Владимир, – государство накормит.

– А что тут плохого? Пенсии хватает на жизнь, человек заработал на спокойную старость. Пока силы есть, на дачах время проводят летом. И пчеловодов-любителей, пенсионеров, у нас только в одном районе человек двести, мёда сдают государству столько же, сколько и пчелосовхоз.

– А пьют сколько горькую?

– Не все же опускаются до такого состояния, чтобы их принудительно лечили, как-то находят, чем себя занять, у нас в почёте здоровый образ жизни. Выпивают, но по праздникам, ветеранов войны чествуют за столом во дворце культуры, всё это достойно, красиво. Наградили памятными медалями, выпили сталинские сто граммов, закусили, концерт самодеятельности послушали. Что в том плохого? Такие вот законы, а за порядком следит райком партии, чтоб всё по-честному было.

Виктор налил ещё водки в гранёные стаканчики.

– Ну, что? – Сергей звонко чокнулся с главным лесничим. – За здоровье коммунистов, которые раздают бесплатно квартиры специалистам!

Захрумтели луком. Тишину нарушила крикнувшая вдали сойка. Все прислушались к звукам тайги, раскрашенной в тёмные краски ночи.

– Сергей прав. Либо тигр бродит неподалёку, либо медведь шастает. Сойка неспроста кричит.

Владимир, сидя у костра, нанизал на струганные палочки хлеб с салом, пожарил на углях, ножом снял в тарелку ароматно пахнущие горячие кусочки, поставил на стол:

– Закусывайте, завтра первый день в тайге будет самым трудным. Потом втянемся.

Выпив, Сергей разгорячился.

– Так вот, и в школе, и в техникуме, и в армии мы на комсомольских собраниях частенько рассуждали, что такое коммунизм. Чтобы его построить, начинать надо с себя самого, жить по моральному Кодексу строителя коммунизма, а учит он всему прекрасному, между прочим, я его назубок помню.

– Мудрёная штука этот ваш Кодекс, – посмеиваясь, вставил Владимир, – как по нему жить начнёшь, так сразу дорога в святые и открыта.

– Допустим, православие тут ни при чём, – поправил Виктор, – хотя, если разобраться, он повторяет то, что прописано в Библии, в Нагорной проповеди Моисея. Мы должны вырастить атеистов, а ценности взяты оттуда общечеловеческие. И, главное, в Кодексе есть ответ на то, как поступать в том или ином случае. Те, кто его принял, порядочными людьми вырастают, между прочим, а это уже не одно поколение после революции.

– Так Кодекс-то в шестидесятых годах принят? – поправил Владимир.

– Революция доказала, что люди не рабы, – Виктор, размышляя, поглядывал на искры костра, улетающие в ночное небо к звёздам, – а это самое главное. И постепенно пришли к необходимости признать общечеловеческие ценности, поправить их, переписать спустя две тысячи лет. Коммунизм – это как новая религия, но коммунист не может сказать так. Это ценности нравственного порядка, признанные во всём мире, но эксплуатируемые каждым строем по-своему, кто как их понимает. В мире капитала свои представления. А наш экономический строй основан на общенародной собственности.

– За нас никто нам коммунизм не построит и на золотом блюдечке с серебряной каёмочкой не поднесёт! – Сергей обрадовался тому, что нашёлся собеседник. – Нас с детства воспитывали на примерах героизма людей на войне, в труде, в быту. Надо, чтобы каждый человек развивал в себе те способности, которыми наделила его природа, – конструировать модели, рисовать, петь, спортом заниматься, туризмом, например. В лесу можно пчёлами, – Сергей вспомнил увлечение своего земляка Кутелева, – тоже неплохо сад развести, на деревьях прививки делать, новые сорта выводить. Да и лесная селекция – тоже интересная штука, чтобы кедр не в сто лет зацвёл и шишки дал, а в десять.

– Нашему поколению повезло, хорошие учителя в школу пришли: и романтики революции, и профессионалы, и те, кто хлебнул войны, убеждённые люди, – Виктор поддержал Сергея.

– Коммунизм – молодость мира, и его возводить молодым, – с пафосом и иронией в голосе одёрнул мечтателей Владимир, – мы тоже это проходили. Зато сейчас понятно, что не видать нам его, как своих ушей. Ну и что? Я не особо-то и переживаю!.. Люди как жили, так и живут. Растят детей, работают, учатся, делают карьеру.

– Карьеру делают те, кто состоит в партии, – поправил Виктор, – и у каждого свой потолок, выше головы не прыгнешь. Допустим, ты инженер, а в партию таких, как ты, принимают только сорок процентов и шестьдесят рабочих.

– Вот тут-то у вас и зарыта дохлая собака, от которой душок идёт, – Вовка-бич снял с палочки кусочек поджаренного на костре сала, положил его на поджаренный кусочек хлеба,

отломил от сочной луковицы и аппетитно захрустел. – Человека по идее принимать надо. Всем народом, а не исключительно членами партии. Уважает народ, доверяет – принять. Оступился – поправили. Навредил умышленно – выгнать из партии и расстрелять, как Сталин делал.

– Это будет похоже на то, как уголовники себе авторитета выбирают, – заёрзал на чурке Болотов. – Народ что для тебя, весь уголовный элемент?.. Весь лесхоз из уголовников? Из кого ж тогда будет состоять коммунистическая партия?

– А ты не передёргивай! Я дело говорю. Я что? Против самой идеи коммунизма? Вступают из-за карьеры, должность повыше получить, продвигнуться. Карьеристы принимают в свою обойму друзей, так по веревке в связке друг друга наверх и тянут... Наслушался я, пока в ресторане подрабатывал.

– А по-твоему получается, что у нас анархия, а не общество – народ сам по себе живёт, а партия сама по себе. В партию принимают самых достойных и не обязательно друзей, но за которых поручиться можно. Отбор проводится по жёстким меркам, и, если у коммуниста родители из рабочей среды, а сам получил хорошее образование, это только приветствуется. Я, к примеру, прошёл стажировку в райкоме партии: потолок у меня – должность директора лесхоза. А вот если бы я молодым быстро продвинулся до директора да проявил себя, внедрив какой-нибудь громкий проект, возможно, меня бы заметили, отправили на стажировку в краевой комитет партии, тогда возможен рост до высокой должности начальника управления лесного хозяйства Приморского края. Но об этом можно только мечтать.

– Ну, и кто тебе мешает проявить себя? Водка? Каждый вечер пьёте. Я же вот бросил, правда, с помощью директора, мамы да принудительного лечения. Но я всё равно для себя что-нибудь придумаю и без вашей партии. Коммунизм, он ведь где, по-вашему, начинается? В семье! Вот это для меня и подходит. Сам себе построю.

– И для тебя место в партии найдётся, у нас тоже план имеется по приёму в партию. Вон, наш радист в лесхозе стал начальником пожарно-химической станции, карьеру сделал, потому как подходит на должность секретаря партийной организации, в райком ходит, к собраниям готовится, проекты постановлений пишет в разрезе требований вышестоящих органов, так что рабочие у нас тоже принимают участие в руководстве страной. А там, глядишь, в институт поступишь, ты же учился, лесничим станешь, а там и директором, со временем, конечно.

– Насчёт партии ничего не скажу, а вот учёбы – подумую.

– Мы всей планете показали, на что способен социализм, – Сергей слегка разгорячился от выпитой водки, в голосе появились слегка хвастливые и восторженные оттенки. – Идея коммунизма будоражит многие народы. Вон какой фестиваль в Москве прошёл! Молодёжь съехалась посмотреть, что это за люди такие – коммунисты и комсомольцы – и как они живут. Молодёжь-то из бывших колоний, считай, от рабства только-только освободилась...

– Фестивали проходят по очереди в столицах соцстран, – уточнил Болотов. – В Москве он удался на славу!

– Мы и за космос ещё повоюем! – горячился подвыпивший Сергей.

– А вот это может плохо закончиться для всех, – Болотов собрал косточки от рыбы и унёс в костёр.

– Это почему же?

– Космос завоёвывают не для того, чтобы на других планетах яблони сажать, как в песне поётся, а потому, что оттуда легче на военные объекты и на города атомные бомбы сбрасывать.

– Войны, я думаю, никто не хочет, – Сергей тоже стал убирать на столе возле себя, – а наше дело – растить лес да тушить пожары. Выше должности лесничего я для себя и не желаю. Да и к чему выше? Вот твой участок работы, больше ста тысяч гектаров тайги, трудись, береги природу, охраняй от пожаров, преумножай богатства.

– Благородней нашей работы нет, это правда, – согласился Болотов.

Поёживаясь от ночной холодной осенней сырости, он у костра подобрал недогоревшие сучья, аккуратно сложил в огонь. Костёр занялся вновь пламенем, затрещал довольно и выбросил в небо сноп искр, повеяло теплом, и Виктор, довольный, подставлял то один бок, то другой.

– А если подумать, велика ли цена городской жизни? – продолжал рассуждать он. – Суетятся занять должность с зарплатой повыше и, соответственно, дополнительными привилегиями и благами. Конечно, это развращает. Чем выше поднимаются по службе, тем больше голова кружится, и зависть как на дрожжах растёт, и хочется ещё большего... Самая первая ступенька – это должность директора, отсюда открывается административный простор. Вот парадокс то ли общественного строя, то ли так заложено в человеке стремиться к большему, чем у тебя есть: получить квартиру попросторнее, машину с личным водителем или свою, курортное обеспечение за счёт государства...

– Так и рабочим хватает домов отдыха и санаториев, езжай – не хочу. В профсоюз заплатил четырнадцать рублей – и отдыхай две недели на всём готовом, – возразил Владимир.

– Я слышал, – Сергей тоже подошёл погреться к костру от всё более проникающей под энцефалитку ночной свежести влажного холодного воздуха, – что для министров и секретарей партии, народных депутатов курорты правительственные, бывшие царские резиденции, дворцы князей. Это другой уровень обслуживания.

– А коммунистическое учение говорит об удовлетворении жизненно необходимых потребностей, которые должны быть разумны, просчитаны, скромны. – Болотов, взяв с земли сухую ветку, поправлял несгоревшие дрова, сгребая их в центр костра. – И примеры тому есть: тот же Христос, которого называют первым коммунистом, и Сталин скромно жили. Настоящие революционеры отказывали себе и отдавали тем, кому это нужно было в большей степени. Коммунист – это тот, кто снимет с себя рубашку последнюю и отдаст тому, кому она нужна, образно говоря. Главная ценность социализма в том, что государство обеспечивает все потребности для нормальной жизни человека. К примеру, биологическая потребность в мясе составляет десять килограммов на человека в месяц. Мы вышли на семь килограммов. При меньшем потреблении человек развивается с умственной недостаточностью. Правительство ставит задачу создавать мощные комплексные животноводческие хозяйства. А теперь посчитаем, сколько надо засеять дополнительно площадей под зерновые, подготовить специалистов всех уровней, выпустить сельхозтехники, удобрений, гербицидов, построить посёлков и сёл. Так что безработица социализму не грозит. На первом месте у нас забота о здоровье нации, духовном богатстве человека, образовании. В перспективе каждый человек должен иметь высшее образование и пополнять свою коробочку до старости, – Виктор постучал пальцем по голове, – чтобы остался в обществе только один класс – класс высокообразованных, высококультурных и абсолютно здоровых людей. Это и есть, по моему мнению, коммунизм, а словами церковников – рай на земле.

– Вот я и говорю, тормозов не стало. Сталина. Он бы навёл порядок. – Володя добавил в ароматный чай ложечку сахара, – у нас общество – это что?.. Курятник! Каждый пытается на шесток повыше запрыгнуть и обгадить того, кто оказался ниже.

– Грубо говоришь. Но в этом-то и проблема. Сергей прав: Кодекс надо бы чтить выше, чем попы «Отче наш». А мы ни того, ни другого толком не знаем и не признаём. А это чревато. Вот, к примеру, разбирали мы в райкоме одного, в кавычках, коммуниста. Судили развратника закрытым судом, лишили партбилета, посадили. Идейное воспитание, пожалуй, главное всего прочего. Не менее важно, чем выполнение плана. Ведь, к примеру, один добросовестно кедры сажает, а другой пучок саженцев закопал в землю – вот и выполнил план, ещё и премию получил. Пойди, пересчитай за каждым, проверь в тайге, кто где прошёл. Мы и воспитываем, и контролируем, чтобы каждый работал честно, на совесть, грамотно. Надо, чтобы каждый молодой человек учился, хотя бы заочно, чтобы понимал профессию, для чего он трудится. А наиболее достойных выдвигаем в депутаты или назначаем на должность. Так оно и есть, но

в жизни бывает всякое. Поэтому любое дело надо делать на совесть, призвания доводить до совершенства при воплощении, оттачивать свой ум и, конечно, не только иметь представление о чести и достоинстве, но и жить по этим высоким нравственным принципам.

– Политинформация на сон грядущий окончена. – Володя добавил дров в костёр, повернулся спиной, чтобы подсушить от влажного воздуха одежду. – Светка моя сейчас в постели пуховой, на подушке мягкой, а я тут, как король на именинах, на жердях месяц бока отлёживать буду. А пустой карман, он как бы и не тянет, по-вашему?.. С голодным брюхом ходить тоже комфорта мало. Кто заработать мешает? Трудись! Шишкой, корной, охоться, рыбачь. Тайга богатая. Барахолка в городе есть, перепродавай, что под руку попало. А поймать молодую девку при случае? Да какой же мужик откажется? Так что мораль пусть коммунисты для себя поберегут. Без неё спокойнее. Карьера мне не маячит, а красиво жить не запретишь.

– Ты хорошенько подумай, о чём говоришь. – Виктор устал от разговоров, пригревшись у костра, его клонило ко сну. – Одно дело, когда ты сам по себе живёшь, и другое, когда один за всех в ответе, а все за одного. Это разные ветви развития гомо сапиенса. Одни в орангутангах так и останутся, другие рай на земле будут строить. И вот возьмут ли тебя туда, это ещё вопрос.

Дым от костра разъедал глаза, ночная сырость проникала сквозь одежду и загоняла в палатку.

– Ладно. Подумаю на досуге. Мне, получается, либо в лесу землянку рыть от социализма подальше, либо с вами соглашаться, но это пока. А там видно будет, кто из нас прав окажется. Вон шмотки из Японии покачественней и красивей, чем наш ширпотреб. Не за горами, видать!.. Ну что, спать будем? – Владимир первым откинул полог палатки, разделся и стал вползать вперёд ногами в спальный мешок.

Сергей лёг спать в энцефалитном костюме, чтобы ночью вставать и подбрасывать дрова в костёр, отпугивая дымом и огнём зверей. Долго не мог согреться, крутился, мешая соседям, потом вспомнил, что голому человеку спать теплее. С трудом разделся в мешке, сложил одежду поверх спальника, вскоре согрелся. Сквозь мягкие мелкие пихтовые ветви, служившие матрацем, спиной ощущал жерди настила, долго не мог заснуть и от неудобства на новом месте, и от впечатлений прожитого дня.

Ему вспоминалось, как они втроём сидели у костра и беседовали, дым витал над тайгой, слышался скрипучий крик сойки, стерегущей покой зверей от тигра, гипнотизирующий взгляд в спину сковал на мгновение мышцы. Вспомнил свою родину, сосновый бор, июльский жёлтый дождь пыльцы, когда цвели сосны. Лучи солнца пробивались сквозь кроны на усталую хвоей землю, и всё вокруг сверкало позолотой. Сказочной красоты наваждение повторялось из года в год, и он с подругой детства бродил по лесу, окружавшему усадьбы лесников.

Однажды в тёплый летний вечер он и Марина остались в бору на ночь встречать зарю. Развели костёр и, сидя на корнях толстой сосны, прижимаясь друг к другу плечами от июльской ночной прохлады, мечтали, как будут строить свою судьбу и счастье. Под утро вдруг послышался треск сухой ветки, и совсем рядом они увидели дикую козу. Спасая жизнь, она выскочила к людям, к костру на поляне, на миг остановилась с мольбой в глазах, оглянулась и, не дожидаясь спасения, кинулась за деревья. Следом на опушку выскочил волк, оценивающе и, как показалось Сергею, с усмешкой посмотрел на влюблённых и кинулся вдогонку за козой. Тогда Сергей впервые пережил страх и за девушку, и за себя, и за козу. Не всё в жизни бывает так безоблачно, как мечтается.

Рассвет они встретили у калитки её дома, утро было омрачено. Они продолжали ходить на свидания, бродили по сосновому лесу, собирали поспевшую чернику, угощая друг друга из ладони, нежились в объятьях. Осенью он ушёл в армию, и до весны, всё реже и реже, она писала ему письма...

«Там Маринка моя, – вздохнул Сергей. – Да какая она теперь моя? Пусть будут счастливы... Но ведь бывает и такой судьба людей, когда верны друг другу оказались до гробовой доски. Это я понимаю...»

Вспомнился недавний случай. Он ехал из Владивостока в Кавалерово. За полдень в Каменке остановился автобус у столовой. У дерева на земле сидел мужчина. Он умер. Кто-то из пассажиров оказался свидетелем, и теперь ждали, когда приедет участковый и прокурор из райцентра. К месту происшествия подтянулись местные жители, говорили, что у мужчины умерла жена, он стал с горя пить. Какие-то дельцы давали деньги горемыке на самогон, затем, заставив подписать документы, у него за долги забрали дом, а его выгнали на улицу. Так он и умер под тополем, прижавшись спиной к стволу. Не сложилась дальше жизнь у него, не смог справиться с потерей подруги. «За собой увела», – шептали старухи.

Наконец, сон одолел, реальность переплелась с вымыслом. Лена приблизилась к нему, её глаза, ресницы, милое выражение лица очаровали нежностью, он осторожно стал её целовать. Она затаила дыхание, словно ждала этих поцелуев. Любуясь друг другом, растворяясь в чудесных чувствах, окутавших их, он всё глубже впадал в сон, а ...Аня Титова с завистью смотрела на них.

Тайга доносила тревожные ночные шорохи и звуки.

Сергей проснулся. На каком-то животном уровне он почувствовал опасность, словно по коже прошлись катком из иголок. От страха он открыл глаза, ощутил, что голова замерзла, ухо касалось угла палатки, настил из жердей и веток хвойника надавил спину через спальник. В палатку сквозь полиэтиленовое оконце сочился слабый лунный свет. Сергей различил Виктора и Владимира, они мерно сопели, их спальники скатились друг к другу. Он уловил шорохи: скрип веток от лёгкого ветра, бойкие переливы шумевшей реки. Ему показалось, что он слышит мужской разговор.

«Ничего не понимаю! Но... почему так страшно?! – подумал Сергей. – Наверное, костёр догорел... Тигр пришёл?!» – пронеслось в голове.

Сергей вдруг почувствовал, что угол палатки, в который он так уютно уткнулся головой, кто-то нюхает!!! И это был вдох крупного зверя!!! Тело отказалось подчиняться. Мысли пролетали одна стремительней другой: «Что делать?» Сердце пыталось выпрыгнуть из груди, разгоняясь в бешеном ритме...

Сергей затаил дыхание. «Разбудить всех? Но... какая реакция будет у любопытного зверя? Добраться до ружья? Не успею!!! Расстегнуть спальник?..»

Сергей замер. Все тело пробивала дрожь. «Тихо. Не слышать, чтобы кто-то ходил!.. Кто-то вздыхает?! Может, показалось? Но я же чётко только что слышал, как меня обнюхал сквозь стенку палатки зверь!!! Видать, ушёл! Выйти из палатки и развести костёр?»

После пережитого желание выходить из палатки пропало. Сон как рукой сняло, всё тело пробивала крупная дрожь, таёжные шорохи и звуки не давали покоя. Остаток ночи Сергей думал, согреваясь в спальнике и ворочаясь на жёсткой подстилке из веток. «Человек – хозяин тайги. Так говорят только те, кто не встречался один на один с хищным зверем, тигром. Человеку посылно и реки пустить вспять, и горы туннелями изрезать, и под землёй шахты построить. Всё подчиняется разуму и организованности. А одного человека в тайгу закинь? И всё!.. Выживет, конечно, но к тайге и лохматому хозяину быстро меняет отношение. Со зверем человек вроде бы как и на равных, говорят же «не тронь его, и он тебя не тронет», а всё одно, лучше его стороной обойти. Какой я там хозяин?! Может, и хозяин, но не главный!.. Законы тайги суровы, и непринятие их означает одно – ответное непринятие зверем человека... со всеми вытекающими!»

Лесникам про ночной визит Сергей решил не рассказывать: «Посмеются и не раз припомнят историю о том, как помощника лесничего в ухо зверь нюхал... И чего, будут издеваться, он тебе на ушко нашептал?»

Утро наступило в поздних сумерках. Сквозь плёнку маленького оконца в палатку заполз рассвет. Таёжники нехотя заворочались. Сергей высунул руку, мурашки от холода побежали по телу, оделся, достал ледяные от легкого мороза портянки, обулся, собрал для костра недогоревшие обугленные ветки, сложил сверху наколотых с вечера дров, разжёг. Дымок пополз вверх, насыщая воздух запахом горячей бересты, кедровой смолы, сухой древесины. Вода в ведре и остатки чая в котелке взялись корочкой льда. Чуть в сторонке от бивака, сидя на мешке, бурундук завтракал орехами, шелуша шишку.

Вспомнив, Сергей подошёл к углу палатки, где обнюхивал его зверь, рассматривая землю: огромные кошачьи следы с отпечатками когтей...

Сергей осмотрелся по сторонам, вглядываясь в просветы между деревьев и кустов, осторожно пошёл от палатки в сторону слияния рек, к мысу, умыться, набрать ведро свежей воды.

По игристой ряби реки плыла медь листвы. Где-то вдали едва слышно перекликались сойки. Ледяная вода обожгла руки и лицо. Покряхтывая от удовольствия и свежести, Сергей как будто растворился, стал таким же, как мир вокруг, лишь тепло осталось внутри да в голове от холода едва шевелились мысли.

Не отдавая отчёта себе в том, что делает, он поднялся по тропе водораздела и увидел примятую траву от лёжки. Тигрица ночевала метрах в ста от палатки. Свежие следы говорили, что совсем недавно, в тёмных сумерках утра, она ушла на юг мысом в сторону Ольгинского перевала на охоту за кабанам. Ему стало жутковато, он задал себе вопрос «А зачем я сюда пришел, какого чёрта?» и быстро повернул обратно.

Приготовив на скорую руку завтрак и почаёвничав у костра, лесники собрали в рюкзак пустые мешки под орехи, сухой паёк на обед, наполнили водой полевые фляжки каждый себе и для чая на обед, прихватили котелок. Сергей приспособил на плече шишкорубку, засунул легкий плотницкий топор за ремень, Владимир забрал два сита, главный лесничий накиннул на плечи рюкзак с пустыми мешками.

Тропа повела на водораздел между узкими распадками притоков Правой Грушевой илевой Грушевой. Утренний свет наполнял тайгу полутенями, пряча урожай в рыжей хвое под кронами кедров. Лесники разбрелись по склону, не мешая друг другу собирать. Встречались россыпи по пять, а то и двадцать опавших шишек. Сергей, склоняясь над каждой, любовался этим чудом. Его путь пересекла тропа, истоптанная копытами кабанов. Потеряв из вида напарников и опасаясь заблудиться, крикнул: «Эгей!» Громкое эхо, стучаясь о деревья и затихая, полетело по распадку. Он услышал ответный крик и повернул на вершину водораздела. Мешок на плече давал о себе знать. Под кедром лежала кучка шишек, собранная Виктором и Владимиром, они перекликались меж собой. Сергей понял, что тут будет бивак, и попробовал высипать собранные им шишки из мешка, но они слиплись, и каждую приходилось доставать перепачканными смолой пальцами. Подошли Виктор и следом Владимир.

– Завтра вверх поднимемся выше, соберём паданку. Будем держаться водораздела. По нему поднимаемся и по нему же спускаемся. Тут тропа. Не собьётесь, если что. За хребет и перевалы на юг не ходить, можно заблудиться, те реки в Ольгу ведут, к морю. А нам выходить по любому из склонов на восток к реке. Очередная зачистка склонов лишней не будет.

Владимир достал фляжку с водой, мелкими глотками утолил жажду.

– Поднимаемся выше по склону. Добавляем кучи. И так каждый день. Недели за три все эти хребты обработаем.

Передохнув, лесники побрели по пологому склону к следующей группе деревьев, путь им преградил усохший кедр, вывернутый бурей вместе с корнями. Голые ветви торчали частоколом, за ним на выступе в несколько метров шириной просматривалась на ровном месте полянка с рыхловатой почвой. Владимир остановился и загадочно поглядел на напарников:

– Ничего не заметили?

Сергей и Виктор осмотрелись по сторонам.

– Нет.

Владимир присел на корточки. Сантиметрах в сорока друг от друга торчали стебельки толщиной с соломинку и чуть больше, на них сохранились раскидистые сложные листочки нежного ярко-золотого цвета, на макушке самого крупного стебелька торчала усохшая цветоножка без семян.

Владимир шёпотом таинственно произнес:

– *Панцуй**.

– Женьшень, – пояснил Сергею главный лесничий, присаживаясь на корточки рядом.

– Такой правильный, просто ужас! – зло обрезал Владимир. – Ты его когда-нибудь искал с таёжниками? Сказал бы при них так, получил бы на орехи. Поиск корней на мистике замешан, назвал по имени – они и спрячутся, впустую в тайгу сходишь, ничего не найдешь. Зря я вам своё место показал, потеряю эту плантацию.

Сергей, наклонясь, стал рассматривать тонкие стебельки и золотые листья, по форме они выглядели точно так же, как и годовалые колючие всходы элеутерококка, растущие неподалёку, но меньших размеров и тоньше. Они чем-то напоминали кленовые – три острых кончика поболее и два поменьше. У некоторых стебельков было по два листика, и они расходились в разные стороны из одного междоузлия.

– А этим сколько лет? – Сергей показал пальцем на крохотные растения высотой до десяти сантиметров.

– Двухгодовалые. А вот эти, что ещё меньше, с одним листочком, годовалые.

– Обычная трава, пройдёшь мимо и не заметишь.

– На второй год на стебельке вырастают два листика. Иногда даже цветочек на ножке тонюсенькой выскакивает. А затем, по мере того как нарастёт корень в земле, появляются три листочка, а летом красные ягоды. Чем старше корень, тем больше листьев, по четыре и пять. На пятисучковом гроздь ягод. Чтобы сто граммов корень весил, ему надо расти сто лет, а то и больше, смотря какая почва под ним будет и склон какой, восточный или южный. А вот с этих я семена собираю и сею рядом под ёлкой, тут больше шансов, что зверь не затопчет.

– Давно у тебя эта плантация?

– Два года, прошлым летом корневал в окрестностях Самарки, самые крупные продал и посадил на этом месте нетоварные.

– И как ты это место выбрал?

– Слышал от таёжников, что под Ольгинским перевалом тоже корни ищут, пошёл и я, нашёл тут корень, выкопал, мелкие не стал трогать. Место понравилось тем, что буреломом прикрыто, и отыскать не сложно, рядом с тропой.

– Извини, конечно, но кипятиться ты зря, – укоризненно заметил главный лесничий. – Женьшень – такая же трава, как и любая другая, ничего особенного. Технология выращивания давно изучена. Институт лекарственных трав целые плантации заложил в Анучинском районе.

– Я же тебе не про культурный корень, а о таёжном говорю! Спрячется от меня корень на этой плантации, вот увидишь!..

– А в тайге семена принято на месте оставлять там, где рос женьшень.

– Ведь я так и сделал на этом месте. А из Самарки не я первый начал выносить! Выносят из тайги всё, что найдут. Каждый себе укромное место ищет подальше от сёл или у дома на грядке в женьшенарий высаживает.

Сергей подумал, что, пожалуй, и он разведёт для себя это легендарное растение, когда станет лесничим.

– Не очень-то дождёшься теперь семян, – продолжал Владимир, – то птицы склюют, а чаще корневишки в тайге прячут на своих плантациях. А у меня свой семенной фонд теперь появился. Вот моя сберкнижка, – и он плавным движением провёл рукой над поляной, словно делая заклинание.

– Семена – это серьёзно, – Виктор задумчиво вертел в руках золотистый стебелёк женьшеня с листьями, выдернутый из почвы. – В тайге как? Опали на землю и лежат годами. Кожура ягоды может в сухой год присохнуть к семечку, а в дождливый – сгнить.

– Что-то вы всё время про какую-то ягоду говорите. Какой ягоды? – удивился Сергей. – Я книжку про Дерсу чуть ли не наизусть помню, столько раз её прочёл. Там Арсеньев пишет: «Коробочки ещё не вскрылись и не осыпали семян»*.

– Напутал уважаемый Владимир Клавдиевич, – главный лесничий усмехнулся, – ягода с красной кожурой, мякотью, а внутри сросшиеся боками округлой формы семена, плоские, твёрдые, с мелкими рёбрышками косточки. Они в землю должны попасть. А как? Надо, чтобы кабарга или косуля копытцем наступила, вмяла. Или птица склевала, переварила в желудке мякоть кожуры, а семечко с помётом посеяла в тайге. Да чтоб дождём замыло. Вот потому и редкое это растение, семечко-то довольно крупное, надо его на сантиметр в землю заглубить. Без стратификации семена два года в почве пролежат. А можно сделать так: в августе собрал, а весной прорастут.

Переломив пополам стебелёк с листочками мягко-золотистого цвета, Виктор положил его в нагрудный карман энцефалитки.

– Заварим чай, – помолчав, разглядывая плантацию, добавил: – Ну, что ж, и у тебя лет через пять некуда будет семена девать.

Сергей задумался о том, какую ценность представляет сама природа с подходящим климатом и почвой.

– Тайга большая, а лесхоз в ней хозяин, можно бы попробовать выращивать женьшень в промышленных масштабах. Подходящие для этого места объявить заповедными, лесничество специализированное создать для выращивания женьшеня в диких условиях, посёлок построить, учёных пригласить, и можно на огромной площади плантации заложить. Кстати, а сколько стоит один корень?

– Это от веса зависит, – Владимир злился на себя за то, что показал плантацию. – Весом менее десяти граммов считаются нетоварными, их дорастивают. А за корешки весом более ста граммов китайцы готовы отдать сумасшедшие деньги.

– Тогда, я полагаю, государство может иметь доход больше, чем от продажи кедра.

– Нам бы со своим планом справиться, – главный лесничий пропустил это замечание мимо ушей, – и ждать, пока стограммовые корни вырастут, двести лет придётся.

– Пусть будет для начала сто, а затем каждый год урожай снимать можно в геометрической прогрессии. Это лишь государству и под силу.

– Для этого надо проект составить, обосновать, продумать, чем люди будут заняты, это ж целая инфраструктура, это должен быть закрытый посёлок, чтоб дорог для посторонних не было. Кутелев, инженер, такую идею уже высказывал. Это нереально. Одна охрана чего стоит!.. Корневщики проберутся в глушь – и все старания коту под хвост.

– А начинать надо, хотя за сотню лет многое может измениться. Всё будет зависеть, в конечном итоге, от того, как будут воспитывать детей, каким ценностям станут поклоняться сами люди. Если всё для себя хапать, под себя грести, а такое встречается, – Сергей глянул на Вовку-бича, – вот такие крохотные плантации у корневщиков в тайге всегда, пожалуй, будут, пока тайгу не изведут.

– Пусть Владимир в тайге дикие растения разводит. Видишь, у него получается. И тебе никто не мешает, и мне. Взял в тайге, развёл дома и вернул опять в тайгу тысячи семян. – Виктор внимательно посмотрел на Владимира. – А ты ничего плохого и не сделал, в одном месте выкопал, в другом посадил. Теперь женьшень под присмотром.

– А крупный корень сбыл, – вставил Сергей.

– Личный стимул – двигатель прогресса, – Владимир, выслушав лекцию про женьшень и получив одобрение разводить дикий в тайге, успокоился.

– Построю дом и женьшенарий на усадьбе. А на таёжной плантации всё же дикий корень целебнее.

Сергея мучили сомнения насчёт семян, которых он никогда в природе не видел. Он вспомнил, что в атласе лекарственных растений на картинке видел женьшень, и на крупных стебелях на плантации тоже остались коротенькие в виде зонтика цветоножки. Арсеньев же в книге «Дерсу Узала» говорит о коробочке с красной ягодой, и он решил ещё раз уточнить у главного лесничего, что за растение имел в виду Владимир Клавдиевич, давая ему такое описание.

– Виктор Кимович, а растение с красной ягодой в коробочке как называется, если оно не женьшень?

– Это вороний глаз, листья у него чуть крупнее и похожие.

– Неужели Арсеньев мог ошибиться?

– Скорее всего, – главный лесничий достал из кармана энцефалитки стебелёк и, задумчиво разглядывая его, поделился своим выводом, – в целях сохранения легендарного растения от браконьеров и полного уничтожения Арсеньев указал на внешне слегка похожее растение, но это для обывателя. А ботаники знают разницу, таёжники тоже. Черешки листьев у вороньего глаза крепятся поочерёдно, и они крупные, мясистые как бы, а у женьшеня на одном уровне и тонкие.

Лесники вновь разбрелись по сопке. Не теряя друг друга из вида, петляя от дерева к дереву, медленно поднимались всё выше, где склоны становились круче. Далеко за полдень поднялись на пологий верх, где вершины деревьев открыты ветрам, а шишки россыпью устилали хвою.

На месте, выбранном под временный бивак, куча принесённых шишек подрастала.

Владимир затесал топором с двух сторон ствол ели, прибил гвоздями шишкорубку из металлических деталей по принципу мясорубки. В ней вместо вечного винта на ось приварены небольшие спицы из арматурной стали. Сергею поручили до наступления сумерек перекрутить урожай, а сами пошли вновь собирать шишки.

На толстой ветке Сергей привязал сито – обычный лист железа, порубанный углом острия топора, в деревянной рамке. Размятая зеленовато-коричневая масса перемолотых шишек пахла свежей смолой. Через дырки сита и орешки, и мелкий мусор проваливались, а то, что оставалось от перемятой шишки, сваливал рядом в кучу. Затем в ход пошёл алюминиевый тазик с мелкими дырками в днище: мусор выпадал на землю, а чистые орехи Сергей ссыпал в мешок. Из пяти мешков шишек получался на выходе один чистых орехов. Чувствуя, что давно уже пора пообедать, Сергей развёл костёр, вскипятил чай из лианы лимонника и, постучав палкой в таз, позвал напарников.

К биваку подошёл уставший Виктор, сбросив с плеча полный мешок, присел на него отдохнуть. Вскоре появился Владимир. Кое-как помыв и оттерев от смолы руки, расположились вокруг костра, достали консервы, ложки, подсохший хлеб, пообедали. Солнце, пробиваясь сквозь хвою деревьев, ласково пригревало, прохладный ветерок пронизывал влажные от пота энцефалитные костюмы, подгоняя к работе. Чтобы не простыть, отдых оставили на вечер. Виктор с Владимиром ушли выше по склону на поиски богатых мест, договорились, что шишки они сложат на новом временном биваке, а Сергей закончит молоть собранную здесь кучу. Под вечер, не дожидаясь напарников, пойдёт к стоянке на слиянии рек и приготовит ужин.

Закончив работу и заполнив мешки семенами, Сергей взял на плечо мешок готовых орехов и подумал, что если он спустится вниз и перейдет через долинку на соседний склон, то не заблудится. Охотничьим шагом, уходя то влево, то вправо, он обшаривал взглядом пожухлую хвою и листву, примечая на завтра, где можно будет собрать шишек, миновал распадок и стал подниматься по скалистому склону соседней гряды.

На его пути лежала сваленная бурей старая липа, с выцветшей белесоватой корой, её ствол повис над землёй на обломанных ветвях. Сергей обошёл её. За деревьями показался довольно крутоватый склон, усыпанный камнями от выветренной скалы, видимой из-за вершин кедров. Он прислонился спиной к стволу огромного дерева отдохнуть. Осенняя тишина тайги окружала его. Заметив рядом с камнем барсучью нору, Сергей затаился в надежде увидеть зверька и понаблюдать за его повадками.

Вскоре показалась узкая продолговатая голова с небольшими прижатыми ушками и бусинками глаз. На сильных коротеньких лапах с длинными загнутыми когтями сидело серое, плотное, клинообразное тело молодого зверька, величиной чуть меньше средней собаки, с серебристой шерстью и коротким хвостом. За первым показался второй, затем третий, из другого входа, чуть в сторонке, вылезла барсучиха, крупнее размером и темноватой окраски. Она осторожно осмотрелась, принялась. Ветерок дул на Сергея, и барсуки не почуяли человека. К тому же мешок шишек и одежда пропахли смолой.

Затаив дыхание, он с восторгом наблюдал, как барсуки энергично разбежались по склону, роясь в лесной подстилке из хвои и опавших листьев, разыскивая личинки насекомых и гусениц. Отыскав шишку, один барсук начал шелушить её, он грыз орешки, настороженно оглядываясь по сторонам, готовый мгновенно скрыться.

Сергей знал о том, что барсуки устраивают норы с двумя или тремя входами среди скал, а жильё содержат в чистоте. Иногда к ним подсаляются квартировать енот или лисица. Но если енота хозяин норы как-то терпит, то лисицу не может из-за её неряшливости. Если барсуку не удаётся выгнать плутовку, он сам уходит и делает новую нору. Всю зиму зверёк отлёживается. Если его поймать и принести домой, легко приручается и становится удивительно доверчивым и преданным другом. И лесу приносит незаменимую пользу. Взрыхляя почву, он зарывает семена трав, женьшеня, кустарников и деревьев, чтобы они смогли прорасти.

Сергей поймал себя на мысли, что, залюбовавшись зверьками, потерял много времени, и осторожно, чтобы не распугать семью, вернулся в распадок и тропой пошёл вниз, затем поднялся на хребет и по тропе заспешил к биваку. О своей встрече со зверьками он промолчал, чтобы не выдать место и не разжечь азарт Владимира поохотиться. Вряд ли и Виктор отказался бы от свежины.

На следующий вечер Сергей снова решил провести семью барсуков. Рано наступающие в горах сумерки медленно сгущались, тень заползала в распадки, заторопились вернуться к палатке до наступления ночи. Завязали мешки, помогли вскинуть друг другу на плечи и направились по водоразделу к палатке. Сергей специально отстал и спустился к тому месту, где нашёл барсучью нору. Солнце скрылось за кедрочками соседней гряды, предвещая приближение ночи. Он ступил на едва заметную звериную тропу и пошёл вниз. Осенняя тишина окутала окружающий его сумеречный мир тайги. Вдруг раздались странные звуки: «ха...р...р, фы...р...р». Сергей испуганно остановился: «Что бы это могло быть? Такой тревожный и озлобленный голос зверей».

– Фыр...р! Пах...х! – раздалось опять в наступающей темноте.

Очень осторожно Сергей начал пробираться к тому месту, откуда доносились непонятные звуки. Впереди показалась небольшая лужайка, и он не сразу понял, что на ней происходит. Серо-чёрно-жёлтый небольшой клубок хвостов, ног, тел катался по земле, шипел и визжал. Сергей сбросил мешок с орехами на землю, схватил палку, хотел было разогнать дерущихся зверьков, но тут клубок распался. Чёрно-оранжевый зверёк метнулся, словно молния, фыркнул что-то по-своему и опять сцепился с серо-серебристым.

Нападающей была довольно крупная *харза**, её атаки отбивал барсук. Он оказался совсем молодым, и в таких переделках ему, похоже, ещё не приходилось бывать, но он не сдавался. Работая зубами и когтями передних лап, он защищался изо всех сил. Ловкая и сильная харза, словно змея извиваясь, фыркала и пыталась вцепиться в глотку своей добычи.

Сергею стало жаль барсучонка. Он, размахнувшись, хотел палкой проучить настырную хищницу, но она, мгновенно изогнувшись, вывернулась, отскочила в сторону и сделала резкий бросок на человека. Такого отпора Сергей не ожидал и со страха прыгнул в сторону, почувствовав прилив адреналина. Барсук тем временем юркнул в чашу.

– Я тебе покажу кузькину мать, – бормотал Сергей, замахиваясь палкой в очередной раз. Но харза уже растворилась в сумерках. Вот только что тут была, кинулась на него и вдруг исчезла.

Осмотревшись по сторонам, Сергей ничего подозрительного не заметил, осенняя тишина снова окружила его. Он взвалил мешок на плечо и заторопился к палатке. Успокоив себя, подбрал свежую шишку, отламывая чешуйки, доставал орешки и грыз их. Мягкая скорлупа легко поддавалась, вкусное зёрнышко вызывало всё больший аппетит. Он вспомнил, что в орехах кедра содержится сорок процентов растительного жира. Двести граммов зёрен, а это стакана полтора, заменяют пятьдесят граммов орехового масла, что восполняет всю затраченную за день энергию с лихвой. В наступающих сумерках Сергей незаметно дошёл до палатки.

– Где тебя носит? Мы волноваться начали. За тигром по следам ходил? – Виктор, помешав суп из сайры ложкой, привязанной к струганой ветке, попробовал на соль, причмокнул. – Сгодится, – и продолжил: – от нас не отставай, тайга шуток не понимает.

– Старые следы кабаньего стада встречал, порывтины всякие, а следов тигра нет.

– Ещё бы. Это кошка, только большая. Вот она всё за нами подмечает, а нам не следует её провоцировать, тем более за ней ходить. Это глупо.

– Я и сам так думаю, что не надо было на её лежке появляться, но вот любопытство взяло верх. Тогда вечером мы немного выпили, вот и понесло слегка. Да и откуда я мог знать, что тигрица с малышами ночевала рядом с нами? – Сергей сбросил с плеча мешок, выложил шишки в общую кучу. – Что-то подустал я, не высыпаясь на жердях.

– Ты один, что ли? Все устали, – поддержал Владимир.

Виктор подбросил в костёр дров, достал из рюкзака бутылку водки, гранёные стаканчики, завёрнутые в газету. Сергей снял промокшую от пота рубашку и энцефалитку, повесил сушиться у костра на сук, принёс из палатки сухую одежду, свитер, переоделся.

– Ужин готов, – Виктор разлил по чашкам суп.

Владимир, наколов дров, воткнул топор в чурку из сухого кедра, взбунтовался:

– Надоело! Одно и то же! Консервы на обед! Консервы на ужин! А речка-то рядом! Ушицы бы из свежей рыбы! А ещё лучше... мяса!.. мяса! Тут изюбри есть, следы видел. И козы бродят! На охоту бы сходить!

– Эх, свежины бы котелок наварить, – вздохнул, соглашаясь, главный лесничий, – но терять на это дни не станем, – открыл початую бутылку водки, разлил по рюмкам. – Что-то я не сообразил лицензию купить.

– Конечно! О карьере все думки. Как бы репутацию не замарать.

– Надо получать удовольствие от общения с природой. Если разумно с ней обращаться, то и зверя в тайге будет с избытком, и реки полны рыбой, а на озерах – гусей и уток несчитанное количество! Проживём и без изюбятины, пусть себе бегают!

– Ну что, за разумное общение с природой? – Сергей поднял рюмку, звонко ударились, разом выпили и закусили, прихлёбывая сайровый суп. – Это когда все с разумом в ладу. Что там о природе говорить, когда порой и с людьми-то не считаются. Мне тогда пять лет было, когда первый раз в Семипалатинской области произвели взрыв атомной бомбы в воздухе. Это от нас всего-то в тридцати, а от областного центра в девяносто километрах. Там полигон испытаний ядерного оружия располагался – «Надежда». Мы всем селом и смотрели зарево от шара. Вначале красное пятно появлялось на небе. Красота такая! А потом чёрный гриб вырос. Удивительная картина! Что нас спасало от взрывной волны и радиации, не знаю, наверное, сосновый бор. Потом это повторялось не один раз. Как слышим хлопок, для нас это сигнал –

все бегом из дома любоваться заревом. Рассказывали, что в Семипалатинске тоже поначалу выскакивали на улицы наблюдать этот феномен. Так что жители всех деревень и посёлков от Семипалатинска до Павлодара испытали на себе, что такое атомное оружие, как потом выяснилось. В новостях по радио объявляли, что в Советском Союзе прошли испытания атомного оружия, а затем и молва донесла, что это у нас и происходило. Эти взрывы вселяли надежду маршалам выиграть новую мировую войну, установить власть Советов народных депутатов во всём мире.

– Ты бы политической оценки сам не давал, – настороженно заметил Болотов, бывший инструктор Тетюхинского райкома КПСС, – не в твоих это полномочиях. Советский Союз никогда не выступал как агрессор, мы готовимся к обороне. Народ в своих странах сам выберет, какой строй его больше устраивает – социализм или капитализм.

– А я и не даю. Мама говорила, что даже в центре Семипалатинска после каждого взрыва стёкла вылетали в универмаге. Можно представить, что было в квартирах жилых домов на окраинах областного города, не говоря о том, что поближе к эпицентру. Что там творилось? Учительница физики кое-что знала о юри и излучении, решила написать письмо Хрущёву, что мы, мол, не подопытные кролики, хватит над нами опыты производить! И что думаете? Уволили её из школы, и она на работу никуда больше не могла устроиться с клеймом несознательного элемента.

– Ну, вот, а вы мне ценностями социализма по ушам хлопаете. – Владимир усмехнулся, звякнув ложкой.

– Ценности социализма тоже приходится как-то оберегать. Не сбрасывать же атомную бомбу первыми на чуждую нашему строю страну.

– Правильно. Бей своих, чтоб чужие боялись, – вставил Владимир и пошёл мыть за собой посуду. – Нет, мне этого не понять!

– Позже, в пятьдесят шестом, если не ошибаюсь, подписали соглашение с Западом о прекращении испытаний атомных и водородных бомб в атмосфере. Стали взрывать под землёй. А это тоже очень опасно для планеты. Воевать – это безумие. Хрущёв много дел натворил и плохих, и хороших. – Виктор разлил ещё спиртного. – Давай-ка ещё по граммულке, и будем надеяться на лучшее.

– А я уверен, каждому человеку начинать надо с того, чтобы самому себя воспитывать, от плохих привычек избавляться, перенимать всё самое ценное, что наработало человечество в формировании личности: образованным быть, культурным, а не кивать на других, мол, вот тот плохой, значит, и я могу быть похуже. Подбор на должность директора и выше, я полагаю, должен быть очень тщательный. Коммунист – значит святой человек! Лучший из лучших! Нравственность в людях для меня стоит на первом месте! А когда я этого не вижу в человеке, меня просто от него корбит.

– Вот-вот, только у нас в реальности рыба и гниёт с головы. – Владимир взял сук и стал пошевелять дрова в костре, сгребая их в середину на угли, пламя заволновалось, обдавая дымом. – Что-то не сходится у вас. Вот, к примеру, как выполняется первый пункт морального Кодекса, который гласит, что человек человеку друг, товарищ и брат? А? Что-то ваш Хрущёв отправил Жукова в командировку, а без него власть захватил. Грызня на самом вершине за партийный трон видна невооружённым глазом. Жуков, самый популярный в стране, был преемником Сталина. Вот и кончили тех, кто хотел власть рабочего класса во всём мире установить. Сначала в Ленина стреляли отравленными пулями, затем Сталина отравили, потом и Жукова отстранили. Я в институте два года учился, историю партии учил и книжки читал, с мудрыми людьми общался в ресторане, слухи-то насчёт Сталина всякие ходят. Может, я от того и запил, что, когда компанией за рюмкой посидишь, все такие родные становятся, откровенничают кто о политике, кто о женщинах. А утром просыпаешься – реальность-то вот она, как на ладошке, каждый для себя старается урвать: кто карьеру сделать, по головам пройтись, кто украсть на

работе что-нибудь. О какой святости ты говоришь? Вот где проблема вашего коммунизма, а мы этого видеть не могли.

– Правительство далеко. А наше дело – охранять от пожара тайгу, высаживать кедр и выращивать лес первого бонитета, чтоб запас там был деловой древесины не семьсот кубометров на гектаре, а тысяча!.. Для того мы сюда и заехали за семенами. И хватит спорить, – подвел черту под беседой главный лесничий, – утро вечера мудренее. Спать пора, – подойдя к костру, посушил одежду, подставляя бока, спину и грудь, пошёл раздеваться ко сну.

Незаметно однообразными днями для лесников сгорело и третье бабье лето, октябрь уступал права последнему месяцу осени. Сбросили листву берёзы, осины, рябины, ясени, затем маньчжурские липы и бархат амурский, – приготовились зимовать в чём есть, в окружении вечнозелёных кедров, елей и пихт. И вот не за горами и ноябрь, а он скуёт холодом почву так, что дневное тёплое солнышко её уже не отогреет.

Утро. Запоздалый осенний рассвет просочился в оконце палатки, лесники заворочались в спальниках, нехотя выбрались на свежий морозный воздух, поёживаясь, побрели умываться на речку. Высохшая тёмно-рыжая трава на берегу склонилась своими вершинками в воду, тонкая корочка льда у самого края поблёскивала стеклом, и через неё виднелись камешки на дне.

– Отдохнуть бы не помешало. Как смотришь, командир? – обратился он к Виктору. – Давайте порыбачим! С верховий реки в это время спускается в зимовальные ямы форель и пеструшка. Я на них не ходок, терпения не хватает, неинтересно. Я на кету пойду. Ниже по течению нерестовые ямы есть. Я крючок тройник припас на такой случай. Вот этим если уж зацепил рыбку, так сразу килограмм на пять и вытащил. Да ещё если там икры с литровую банку, так вообще мировой буржуазии на зависть. Вот это рыбалка, я понимаю. План-то по орехам всё равно выполним, шишек хватает, – Владимир загорелся наловить кеты и засолить себе на зиму.

Болотов подумал: «Какой же это отпуск без рыбалки? Ловить момент надо, пока кета на нерест зашла, а мелкая скатывается вниз по течению в зимовальные ямы. Простоять здесь придётся до первых чисел ноября, шишек в тайге много, и можно заработать на новую мебель в квартиру, а там и зима не за горами. Когда ещё будет такой случай выбраться на рыбалку?» – и согласился.

Выпив чаю с сухарями, Владимир достал из кармана рюкзака коробку с рыбацкой снастью, крупный тройной крючок с припаянным к нему свинцовым грузилом, отлитым в столовой ложке, и привязал к нему морским узлом толстую леску.

– Удилище на берегу из ивы вырублю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.